

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316.4 (430)

Л. Н. КИБАРДИНА

Омский государственный
технический университет

АНАЛИЗ ХАРИЗМАТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В СОЦИОЛОГИИ МАКСА ВЕБЕРА

В статье проводится анализ основных положений концепции харизматического господства и харизматического лидерства М. Вебера, выявляются методологические проблемы рационализации и институционализации политического лидерства и персонализации власти в контексте современных процессов развития плебисцитарной демократии и возникновения авторитарного типа личности.

В современных политических системах наблюдается отчетливая тенденция к персонификации власти, рост влияния «новых правых», в программах которых идея «сильной власти» занимает центральное место. Это способствует героизации личностей Гитлера и его сподвижников-нацистов, лидеров-террористов, гуру новейших сект, поддерживает глобалистские устремления лидеров сверхдержав, оправдывающих силовые решения политических проблем с точки зрения установления «мирового порядка», сдерживания экстремизма, развития демократии в бывших авторитарных и тоталитарных обществах.

Как показывает практика, сакрализация образа вождя в рамках ломающихся традиционных структур выступает этапом в становлении и модернизации отдельных политических систем, где сохраняется институт «священных царей», а политическая и религиозная

власть соединяется с феодальными привилегиями [14, с. 184 — 210]. В такие переходные периоды политическому лидеру (президенту) воздают почести небожителя и религиозного пророка, образ вождя мифологизируется [12, с. 60], а в системе политических отношений власти новизна переплетается с архаикой. Такой тип власти и политического господства М. Вебер назвал харизматическим.

Вебер представил харизматическую власть как идеально-типическую модель, оговорив, что конкретный анализ путей становления этого типа власти отсутствует, т.е. он не связывал его возникновение с конкретной исторической эпохой или политической системой. В концепции Вебера такие категории, как «власть», «легитимность», «господство», взаимосвязаны и представляют собой основные категории, с помощью которых он пытается описать феномен влас-

ти и аспекты ее персонификации. Не ставя собственно вопрос о предпосылках, факторах и социальной природе определенного типа политического лидерства и связанного с ним политического господства и легитимности, но, говоря о социальных отношениях (власти и подчинения), он косвенно затрагивает актуальную тему, — а именно — тему роли личности в истории.

Основные положения теории господства Вебера состоят в следующем. Во-первых, «харизма» — сверхестественные свойства личности, позволяющие ей подчинить себе массы, призвание быть вождем, абсолютно своеобразный и потому божественный дар, которым может обладать и религиозный пророк, и современный политик. Признание харизмы не является основой легитимности, оно — «долг тех, кто обязан признать это качество», оно «психологически является целиком личной, основанной на вере склонностью, рожденной из воодушевления или нужды и надежды» [9, с. 139]. Таким образом, Вебер указывал на возникающие определенные социальные отношения (долга), основанные на зависимости пророка или лидера от мнения массы.

Во-вторых, подлинный смысл харизматической «божественной благодати» заключается в том, что при длительном отсутствии ее доказательств, харизматический авторитет лидера может исчезнуть (если ее носителю изменяет успех, а его руководство не приносит благополучного исхода подчиненным). У многих народов известен феномен «отверженного», который мог возникнуть при любой неудаче: это не только поражение в войне, но также засуха, наводнение, астрономические явления и т.д. В таком случае харизма как «добродетель» небесного духа переставала признаваться сакральной и вождь переставал считаться легитимным «сыном неба».

В-третьих, лидер и его ближайшие сторонники образуют «харизматический господствующий союз», который Вебер определяет как «эмоциональную общность», отношения в которой не фиксированы организационно. Управленческий штаб харизматических лидеров подбирается не с учетом сословной принадлежности, происхождения или личной зависимости, а по харизматическим качествам: «пророку» соответствуют «ученики», «военному князю» — «свита», «вождю» — «доверенные люди». Харизматическое господство резко противопоставлено как рациональному (бюрократическому), так и традиционному, (патриархальному и патримониальному, сословному). Истинно харизматическое являет собой нечто противоположное социальной обыденности, оно иррационально, т.к. отчуждено от правил.

В-четвертых, Вебер утверждает, что чистая харизма специфически чужда экономике. Она организует эмоциональное «призвание» как «миссию» или внутреннюю «задачу» и поэтому отвергает в чистом типе материальное производство и экономическую деятельность как источник получения регулярных доходов. Это не значит, что харизматические лидеры не используют различные материальные блага и даже ищут их для покрытия потребностей и поддержания собственного господства. Но для большинства харизматических «революционеров» форма дотаций обыкновенно не имеет значения, так как почти все пророки содержались на средства меценатов.

В-пятых, Вебер указывает на революционный характер харизмы, поскольку она, в отличие от рациональности, которая действует или извне, путем изменения жизненных обстоятельств и отношения к ним, путем интеллектуализации, «может быть преобразо-

ванием изнутри, которое, будучи рожденным из нужды или воодушевления, означает изменение главных направлений мышления и действия при полной переориентации всех установок ко всем отдельным жизненным формам и к «миру» вообще» [9, с. 142]. Харизматическое господство разрушает прошлое, поэтому оно революционно.

«Чистый» тип харизматического лидера соотносен Вебером со сферой религии и религиозным вождем; революции докапиталистического периода имели именно религиозную направленность. Специфика харизматического движения состоит в том, что «оно не касается насущных, коренных проблем бытия, и потому может воспроизводиться беспрепятственно» [16, с. 135]. Движения, которые выдвигают требования коренных социальных переустройств, Вебер называет иллегитимными и исключает из своего анализа: таковы плебей и трибуны античности, средневековый ророло, ставший «первым намеренно иллегитимным революционным политическим союзом» [8, с. 80]. В новое время — это рабочий класс, свободный от трепета перед властью, его «иллегитимность» тождественна понятию «революционность» в марксизме.

Таким образом, харизма Вебера выступает против застойной традиционности, но претендует при этом не на принципиальные социальные изменения, а лишь на «прорыв обыденности». Модель харизматической власти являет себя на разных этапах истории. В Новое время она принимает форму политизированного хилиазма, но вероятность возникновения харизмы мала, по сравнению с «дореволюционными» эпохами. В рационализированном механизме современной власти, считает Вебер, нет места личностному, спонтанному началу. И если харизме удастся «выйти на поверхность», то она обязательно принимает мифифицированные формы, близкие к религиозным.

Встречающиеся у Вебера условные определения харизматически одаренных или не очень лидеров — «виртуозы», «религиозно немзыкальные» — не разъясняют сущности харизмы. Отсутствие четко выраженного существа харизма дало повод Г. Маркузе назвать ее «самым сомнительным из всех понятий социологии Вебера» [2, с. 174]. Поэтому само понятие харизмы и его социально-философское содержание, равно как истоки и факторы его возникновения, остаются у Вебера невыясненными, оторванными от их исторического и социально-политического контекста, наполненными противоречиями (например, харизма революционна, но не затрагивает устоев общества, касается только изменения мировоззрения, социокультурных норм).

Вебер рассматривает политическое лидерство и политическое господство как систему определенных социальных отношений «управления-подчинения», при которой одни хотят и могут в силу своего дара (харизмы) управлять, а другие, в силу своего положения, вытекающего из необходимости признания данного «божественного дара» и обязательств долга, подчиняться. Вебер подробно исследует эту систему социальных отношений, а именно — систему взаимных действий лидера и масс в различных социальных ситуациях, связанных с утверждением легитимности и возникающую при этом институциональную систему передачи легитимности в случае утраты харизмы. Вебер рассматривает именно социальные факты и объясняет их, исходя из своей концепции «социального действия» и «идеального типа».

Вебер не исследует причины и факторы возникновения определенной общественной потребности в том или ином типе политического лидерства и господ-

ства и те особенности общественного сознания, которые приводят к соответствующим социальным действиям. И все же его учение о харизме в определенной степени перекликается с учением Маркса об идеологии как превращенной, ложной форме общественного сознания, выразителем которой на определенном историческом этапе выступает харизматический лидер. Вебер пишет: «Настоящий пророк, как и подлинный военный предводитель, как и любой истинный вождь вообще, возвещает, создает, требует новые заповеди — в начальном смысле харизмы: в силу откровения, прорицания, внушения или в силу конкретной воли к преобразованию, которая признается единомышленниками по вере, оружию, партии или другой общности из-за источника этой воли» [9, с. 141].

Веберовский харизматический лидер строит свою аргументацию по отношению к группам с «низкой рационализацией мышления», для чего прибегает к выдвиганию близких массам целей для завоевания доверия. Суть лидера заключается в том, что он способен уловить назревшие потребности масс, увязать с ситуацией, со своими и групповыми интересами. Анализ отношений лидера и массы позволяет провести параллель между харизматическим вождем и политиком-демагогом. Их роднит опора на достаточно низкий политический и интеллектуальный уровень массы, спекуляция присущими ей чувствами справедливости, стремление навязать массе свои идеи, принудить ее к действиям в нужном им направлении. Они апеллируют к лучшим чувствам народа, к его революционным традициям, но сами при этом прибегают к насилию, обману, попранию прав и свобод.

Здесь стоит обратиться к веберовской трактовке масс, поскольку именно от них зависит исторический успех харизматического лидера. У Вебера она однородна, а ее черты негативны — это «низкая рационализация мышления» и политическая пассивность; свое аристократическое неприятие массы выразил в почти ницшеанском афоризме: «Масса думает лишь до послезавтра» [5, с. 221]. Такая оценка исходит из его определения власти как «принуждения к повиновению» и объясняет, почему в его социологии отсутствует обстоятельный анализ трудовых процессов, обобщенного сознания, массовых движений, революций. Устремления массы не идут дальше узких материальных интересов, которые и «убивают харизму»; это явление Вебер называет «обудничиванием», которое идентично «приспособлению к условиям хозяйства как постоянно действующей обобщенной силе» [6, с. 148].

Отмеченное Вебером «мирное сосуществование» харизматического движения с официальной властью завершается тем, что и она становится на службу лидеру. «Хотя Вебер умер задолго до прихода Гитлера, — отмечал Т. Парсонс, — он прозорливо предсказал тот политический образец, ту политическую модель, в которую нацистское движение развило традиционную модель западной демократии. Нельзя сомневаться в том, что эта связь с демократическими настроениями, чувствами через связь с партийной системой и даже через включение специфического плебисцитарного инструмента имела значение для взлета фашистской диктатуры» [3, с. 71]. В данном случае утверждение Вебера о том, что в современном мире нет места харизматической традиции, вступает в противоречие с историческими фактами и с его собственными изысками.

Вебер отмечал, что харизматическое лидерство как определенное социальное отношение рано или поздно «принимает характер стабильного отношения:

«община» единоверцев, воинов или учеников; партийный союз, партийная или иерократическая общность» [9, с. 142]. Тогда харизматическое господство, которое только существует в идеально-типической чистоте, должно значительно изменить свой характер: оно становится традиционным или рациональным (легальным), или и тем, и другим одновременно, но в различных аспектах. Вебер отмечает, что движущие мотивы для этого — идейная и материальная заинтересованность участников харизматического движения в воспроизводстве системы этих социальных отношений для необходимой организации жизни сообщества и построения управленческой структуры для ее стабилизации.

Интересы обеих сторон (как лидера, так и сторонников) типически актуальны при падении влияния личности носителя харизмы и при встающем вопросе о преемнике, так как этот вопрос очень важен для сохранения легитимности власти и легализации нового носителя харизмы. Вебер отмечает несколько способов такой легализации, но стоит особо выделить легитимность через назначение преемника управленческим штабом и через признание общиной. Такая трактовка «выбора» означает отбор, правильное обозначение истинного носителя харизмы. И этот способ легитимации характерен для тех современных политических систем, которые проходят этап модернизации от авторитарного к демократическому режиму и где уровень доверия граждан власти низок.

Вебер связывает возникновение легитимности и рационального типа лидерства, его институционализацию, с правовым промыслом, в основном с определенными формальностями (возведением на трон и т.д.). Например, в этом состоит первоначальный смысл возведения в сан епископа и коронация короля клиром или князьями при согласии общины на Западе. Можно привести многочисленные аналогичные примеры. Тогда вера не относится больше к харизматическим качествам личности, а к легитимному промыслу в силу порядка наследования (традиционализация и легализация). Понятие «божья милость» изменяет свой смысл и означает: хозяин собственного права, независимого от признания подчиненных, при этом личностная харизма может совершенно отсутствовать.

Авторитарный по своему смыслу харизматический принцип легитимности допускает его пересмотр и в противоположном направлении. Вебер отмечает, что при возрастающей рационализации отношений признание лидера, вместо того чтобы считаться следствием легитимности, принимается за ее основу (демократическая легитимность). Легитимный в силу собственной харизмы лидер становится лидером по милости подчиненных, которого они (формально) свободно выбирают и ставят, а при случае и отстраняют. Тем самым легитимность приближается к представлению о легальности. Вебер приводит в качестве примера плебисцитарное господство. В современном государстве оно воплощено в типах «партийного вождизма». Формально плебисцит является специфическим средством для отвода легитимности власти в соответствии с формально или фиктивно свободным выбором подчиненных.

Вебер отмечает, что «плебисцитарная демократия», важнейший тип демократии вождя, есть вид харизматического господства. Вождь (демагог) господствует фактически в силу преданности и доверия политических приверженцев к своей личности как таковой, то есть это власть над завербованными сто-

ронниками. Далее, если они создают ему возможность господства, она распространяется внутри союза. Этот тип воплощают диктаторы античных и современных революций. Как бы ни стремилась власть к легитимности этой формы господства, она нуждается в плебисцитарном признании суверенным народом. Типу плебисцитарной демократии вождя противостоят «типы демократии, лишенной вождя, которые характеризуются стремлением к минимуму господства человека над человеком» [9, с. 145].

Позиция Вебера состояла в том, что народ, масса имеет примитивные цели и нуждается в твердой руке. В письме к Р. Михельсу (1908) Вебер писал: «Такие понятия, как «воля народа», «подлинная воля народа» уже давно для меня не существуют, они — фикция» [7]. Здесь следует отметить, что феномен массы имеет в своей основе коллективные инстинкты, которые связаны как раз с низкой рационализацией большинства. Массовый страх и массовое бегство — своеобразные феномены, на которые опирается любая власть: «в массе человек ищет укрытия от страха... В массе от утрачивает и ответственность за свои деяния, обретая способность совершать самые чудовищные поступки» [10, с. 156]. Демократия, по Веберу, — всего лишь конкурентная борьба за политическое лидерство, в которой политик вправе использовать любые средства.

Вебер был твердо убежден, что лучший современный политик — это лучший демагог, с присущими ему чертами харизматического лидера. В качестве исторического примера исследователи часто приводят фигуру Гитлера. Основная идея, на которую опиралась его легитимность, — это идея превосходства, столь присущая современному обществу. Э. Канетти так описывает это состояние духа: «Представление о неизбежности борьбы, о победе как доказательстве правомерности любого рода притязаний настолько глубоко укоренилось в Гитлере, что ни на минуту не допуская возможность поражения... Сильнейший — лучший, сильнейший заслуживает победы» [11, с. 142].

Власть в сложно организованном обществе имеет иную природу, чем примитивное «могущество» деспота, сущность ее не сводится к межличностным, социально-психологическим феноменам, к божественному дару харизмы. Власть как выражение господства продолжает жить в современном обществе и имеет внешние проявления в приказе, угрозе, насилии, даже в причинении смерти. Классики марксизма отчетливо продемонстрировали, как по мере развития общества — от первобытно-общинной формации к рабовладельческой, феодальной, а затем и капиталистической — сущность политической власти все более утрачивала свою «первобытную» непосредственность и оказывалась глубоко скрытой в социальной организации общественного производства.

Прогресс истории означал отход от личной зависимости и личных отношений раба и господина и включение в это отношение все большего количества промежуточных звеньев (организованная юстиция, представительное правление и т.п.). В ходе этого процесса власть переставала быть тождественной господству и насилию, а последние категории начинали представлять функции власти, лишенные какого-либо негативного содержания, выражая лишь систему политических отношений господства-подчинения. Они стали относиться к «области феноменологии власти, отражая глубочайшие изменения общественной организации за всю историю человечества» [10, с. 157].

Вебер уже в 20 — 30-е годы был подвержен критике за то, что поместил исторический процесс в антино-

мию явлений, обозначенных понятиями «харизма — бюрократия» и «иррациональность — рациональность». Х. Штединг отмечал: «Вебер со своим сильно опустошенным формализмом, ориентированным на себя мнением о судьбе харизмы наступает на бесконечное разнообразие исторического сырья и одновременно во всей истории человечества ищет только подтверждения этому предвзятому мнению» [4, с. 29]. Для Вебера личность и социальные институты, социальная среда и этические нормы не только автономные образования, они противостоят друг другу. Его упор на личностный момент власти оставляет в стороне как саму власть, так и породившее ее общество, что фиксирует растущее противоречие между обществом и индивидом, их взаимное отчуждение.

Отмеченное Вебером противоречие лежит на поверхности, косвенно отражая действительные процессы социально-экономической природы, которые он изначально оставляет в тени. Глубокий анализ указанных процессов был произведен Марксом [13, с. 747 — 748]. Различные формы общественной связи, утратив характер отношений конкретных индивидов, показывает Маркс, выступают как анонимные принудительные силы, как формы отчуждения [там же]. Именно эти формы нашли свое отражение в концепции харизмы и рациональности, воплощающей власть «безличных вещей сил». И здесь представляется уместным привести мысль К. Ясперса о том, что Вебер явился «сильнейшим и глубочайшим воплощением духа крушения нашего времени» [1, с. 12].

В дальнейшем основные проблемы возникновения харизматической личности, поставленные Вебером, становятся предметом исследования представителей Франкфуртской школы во главе с Т. Адорно в проекте «Авторитарная личность». Основная цель исследования — описание «нового антропологического типа», который они увидели в нацизме. В задачи исследования входило установление соответствия между глубинной психологической динамикой личности и ее «поверхностными» чертами. В основе лежала теория, допускающая существование многих уровней личности, как скрытых, так и доступных для внешнего мира, и пытающаяся уловить связь между социальной средой и идеологическими чертами человека. Предполагалось, что существует корреляция между принадлежностью к определенному классу и идеологией личности.

Вместе с тем даже в этом классическом, по своей теоретической сути, марксистском исследовании, оставался открытым один из существенных вопросов о причинно-следственной связи: организация ли системы порождает те или иные качества, или, наоборот, индивидуальные черты людей порождают организацию? Личность при этом рассматривалась исследователями скорее как диспозиция — потенциальная готовность к действию, нежели как актуальное поведение. На это счет Э. Фромм справедливо заметил: «Нацизм — это психологическая проблема, но сами психологические факторы могут быть поняты лишь при учете их формирования под воздействием факторов социально-политических и экономических» [15, с. 176].

С тех пор мир радикально изменился, произошел распад СССР как «империи зла», исчезли тоталитарные режимы, социалистическая политическая система, но концепция «харизмы» и харизматической личности в истории вновь возрождается в социологической теории. Популярность этой харизматической модели не затухает, поскольку она опирается на реальные процессы в истории и современности,

на сохраняющийся авторитарный тип личности в политике и истории. Стимулом обращения к концепции харизматического лидерства стали такие явления, как рост влияния религии в разных регионах мира, религиозный экстремизм, ряд исламских революций, волна политического терроризма, нарастающие международные противоречия глобального характера.

Несмотря на многочисленные исследования веберовского наследия, растущий интерес к социальному феномену политического лидерства, проблемам персонификации власти, до настоящего момента ученым не удалось выявить механизмы и социально-исторические закономерности возникновения политического лидерства, законы его функционирования, перехода в традиционную или рациональную стадию. Исторические события, связанные с личностным феноменом власти, требуют специального социально-философского осмысления. Поэтому в современной социальной науке вновь становится актуальным анализ этих процессов, но в рамках новой методологии, которую еще предстоит развить и обосновать.

Библиографический список

1. Jaspers K. Max Weber. Politiker, Forscher, Philosoph. Munchen, 1958.
2. Max Weber und Soziologie heute. Stuttgart, 1965.
3. Parsons T. The Theory of Social and Economic Organization. New-York, 1966.

4. Steding Chr. Politik und Wissenschaft bei Max Weber. Breslau, 1932.
5. Weber M. Gesammelte politische Schriften. Munchen, 1921.
6. Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. Tubingen, 1922.
7. Webers Nachlaß. Merseburger Staatsarchiv. Rep. 92. N 1.
8. Вебер М. Город. Петроград, 1923.
9. Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5.
10. Ионин А.Г. Фашизм — патология истории // Социологические исследования. 1986. № 4.
11. Канетти Э. Власть и личность // Социологические исследования. 1986. № 4.
12. Кобицанов Ю. «Священные цари» XX века // Азия и Африка сегодня. 1987. № 1.
13. Маркс К. Капитал, т.1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23.
14. Традиционные и синкретические религии Африки. М.: Наука, 1986.
15. Фромм Э. Бегство от свободы / Пер. с англ. Г.Ф. Швейника. М.: Прогресс, 1990.
16. Шпакова Р.П. Типы лидерства в социологии Макса Вебера // Социологические исследования. 1988. № 5.

КИБАРДИНА Людмила Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии, социальной работы и политологии.

Статья поступила в редакцию 19.02.08 г.

© А. Н. Кибардина

УДК 658:316.334

**В. П. ПУСТОБАЕВ
Д. А. ХАРИТОНОВ**

Сибирская государственная
автомобильно-дорожная академия,
г. Омск

ВНЕШНЯЯ СРЕДА ОБЪЕКТА И ЕЕ ВОЗМОЖНЫЕ СОСТОЯНИЯ

На основании проведенного исследования определены вероятностные характеристики всех возможных состояний внешней среды. Для принятого диапазона значений каждого фактора определена наиболее вероятная спецификация, рассмотрены возможные состояния внешней среды для трех случаев институционального воздействия на ее факторы.

Любую систему (проектируемую или существующую) характеризуют морфологией, структурой, иерархией, целостностью и возможными ситуациями, порождаемыми ее структурой и влиянием внешней среды. В курсе менеджмента рассмотрено прямое и косвенное влияние внешней среды на объект. Компонентам косвенного воздействия в литературе не уделено достаточного внимания.

Согласно теории американского ученого Толкотта Парсонса (представителя направления американского функционализма), любая деятельность объектов (субъектов) протекает в условиях одновременного взаимодействия четырех факторов — политических, экономических, социальных, правовых. Эффективность любой деятельности в обществе напрямую зависит от степени развитости этих факторов [1].

В работе [3] вербальная модель Парсонса графически представлена четырьмя равными квадратами, которые помещены в другой квадрат, представляющий собой предметную область взаимодействия этих факторов. Такое представление позволяет разработать процедуру перемещения факторов в пределах предметной области со стороны институциональных органов. Управляющее воздействие со стороны институциональных органов производится со стороны углов квадрата предметной области на верхний левый угол фактора Э и (или) на верхний правый угол фактора П и (или) нижний левый угол фактора Сс и (или) нижний правый угол фактора Вп. Углы квадратов факторов, находящиеся в вершинах квадрата предметной области, создают так называемую нулевую структуру внешней среды, в которой отсутствуют взаимодействия между факторами. Такая структура

имеет код АААА, который означает отсутствие инвестиций на все факторы со стороны институциональных органов.

Взаимодействия между факторами обусловлено величиной инвестирования со стороны институциональных органов в те или иные факторы. Для формализации управляющего воздействия со стороны институциональных органов предметную область взаимодействия четырех факторов «покроём» решеткой с шагом Δ , при котором образуется N узлов. Величина шага Δ означает величину инвестиций со стороны институциональных органов, вложенную в тот или иной фактор, или их совокупность. Величина инвестирования может быть или 0 (узел А), или Δ (узлы В), или 2Δ (узлы С) или 3Δ (узлы Д). При этом фактор (факторы) может перемещаться либо по горизонтали (влево/вправо), либо по вертикали (вверх/вниз), либо по главной и (или) второстепенной диагонали по указанным в кодах идентификаторов узлов. Принятые обозначения возможных перемещений факторов позволяют закодировать возможные перемещения факторов. Например, код АВСД означает фактор Э занимает первоначальное положение, фактор П переместился влево или вниз, или по второстепенной диагонали на величину Δ , фактор Сс переместился или вверх или влево или по второстепенной диагонали на величину 2Δ и фактор Вп переместился на величину 3Δ . Таким образом, любая величина институционального воздействия на факторы может быть закодирована.

В связи с этим ставится задача определения возможных комбинаций между факторами, их кодирования и идентификация областей внешней среды. Задача в такой постановке в литературе авторам не известна.

Для решения поставленной задачи:

1. произведем разбиение области возможных значений каждого фактора на определенное число интервалов, например на четыре и закодируем первый

интервал символом А, второй — В, третий — С, четвертый — Д. Каждый символ означает величину институционального воздействия на тот или иной фактор.

2. представим число 4 в виде одного ($4 = 4$) слагаемого, двух ($4 = 2 + 2$ или $4 = 1 + 3$), трех ($4 = 2 + 1 + 1$) и четырех ($4 = 1 + 1 + 1 + 1$) слагаемых. Каждая сумма представляет собой спецификацию возможных состояний факторов.

Первая спецификация означает принятие всеми факторами Э, П, Сс, Вп значений из интервалов, коды которых совпадают и равны, например А. Код такого варианта управляющего воздействия на факторы будет АААА.

Вторая комбинация означает принятие двумя любыми факторами значений из интервалов с одинаковыми кодами, например из А и принятие другими факторами значений из интервалов, коды которых совпадают между собой, но не совпадают с А, например В. Код такого управляющего воздействия на факторы будет ААВВ.

Пятая комбинация означает принятие всеми факторами значений из интервалов, коды которых не совпадают. Код такого управляющего воздействия будет, например АСДВ.

3. Представим возможные комбинации между факторами в зависимости от спецификации в виде произведения $C1$ и $C2$ (табл.1). Величина $C1$ — это число перестановок с повторениями (табл.2), $C2$ — число размещений спецификации по четырем интервалам (табл.3).

Наибольшую вероятность (табл.1) имеет спецификация $2 + 1 + 1$, что трактуется следующим образом: любые два фактора внешней среды одновременно приняли значения из четырех возможных интервалов, коды которых одинаковы, например А, третий фактор принял значение из интервала, код которого отличен от первого, например С и четвертый параметр принял значение из интервала, код которого отличен от первых двух, например Д. Код такого

Характеристика типов состояния внешней среды

Таблица 1

Спецификации	$C1$	$C2$	$C1 \cdot C2$	P
4	1	4	4	0,02
$2 + 2$	6	6	36	0,20
$3 + 1$	4	6	24	0,13
$2 + 1 + 1$	12	8	96	0,52
$1 + 1 + 1 + 1$	24	1	24	0,13
Итого	47		184	1,00

Комбинаторика $C1$

Таблица 2

Э	Х	З	У	Х	Х	З	А	У	У	З	Х
П	Х	Х	З	У	У	Х	З	Х	Х	У	З
Сс	У	Х	Х	З	Х	У	Х	З	Х	Х	У
Вп	З	У	Х	Х	З	Х	У	Х	З	Х	Х

Комбинаторика $C2$

Таблица 3

Э	А	С	В	А	А	А	В	С
П	А	А	С	В	С	А	А	В
Сс	В	А	А	С	В	С	А	А
Вп	С	В	А	А	А	В	С	А

управляющего воздействия на факторы будет ААСД. Данная спецификация создает 12 различных ситуаций или 52% всех состояний внешней среды. В дальнейшем рассмотрим более подробно эту спецификацию при заданных значениях X, Y, Z .

Авторами произведена классификация возможных областей предметной области в зависимости от кода управляющего воздействия со стороны институциональных органов. Определены три класса областей — негармонизированные, гармонизированные и смешанные области, что совпадает с результатами работы [2].

1. **Образование негармонизированных областей.** Область считается негармонизированной, если из двух смежных факторов только один получил управляющее воздействие, другой остался в первоначальном положении, например в узле А. Негармонизированные области возникают при всех видах управляющих воздействиях, которые образуют в предметной области две независимые области, способствующие появлению в обществе признаков:

- экономической и внешнеполитической культуры;
- правовой и социальной культуры.

1.1. Горизонтальное воздействие институциональных органов вызывает одновременное перемещение двух несмежных по вертикали факторов, например первого фактора на второй (или наоборот) и третьего фактора на четвертый (или наоборот).

Результатом такого воздействия является образование в предметной области взаимодействующих факторов.

• $(ЭП) \& (BnfCc)$, при воздействиях СААВ или ВААС.

• $(ПфЭ) \& (CcfBn)$ при воздействиях ВСАА или АСВА.

Это означает, что часть компонент первого фактора оказывает влияние на часть компонент второго фактора (смежного по горизонтали) с целью приведения в гармонию их интерфейсов и часть компонент другого фактора оказывает влияние на компоненты другого смежного по горизонтали фактора с той же целью.

Отсутствие в предметной области одной области, способствующей появлению единых признаков единой культуры смежных по вертикали факторов, объясняется принятой для исследования спецификацией $2 + 1 + 1$ и величинами воздействий на факторы (ААВС).

1.2. Вертикальное воздействие институциональных органов вызывает одновременное перемещение двух смежных или несмежных по горизонтали факторов. Результатом такого воздействия является:

1.2.1. Образование в предметной области взаимодействующих факторов.

• $(CcfЭ) \& (BnfП)$ при воздействиях ААВС или ААСВ.

• $CcfЭ) \& (ПфBn)$ при воздействиях АСВА или АСВА

• $(ЭфCc) \& (BnfП)$ при воздействиях СААВ или ВААС.

• $(ЭфCc) \& (ПфBn)$ при воздействиях ВСАА или СВАА.

Это означает, что часть компонент фактора Сс (Э) выражают готовность взаимодействовать с частью компонент фактора Э (Сс) с целью поддержать интересы некоторых социальных объектов и часть компонент фактора Вп (П) выражают готовность взаимодействовать с частью компонент фактора П (Вп) с целью приведения их (Своих компонент) к мировым стандартам.

1.2.2. Образование в предметной области одной области, способствующей появлению единых признаков социальной + внешнеполитической культуры или экономической + правовой культуры.

1.3. Диагональное воздействие институциональных органов вызывает одновременное перемещение двух несмежных или смежных факторов. Результатом такого воздействия является:

1.3.1. Образование в предметной области взаимодействующих областей, в которых часть компонент одного фактора одновременно влияет на компоненты двух других факторов и часть компонент другого фактора влияет на компоненты тех же факторов или на другие (другой).

• $(Bnf(Э\&П))\&(CcfЭ)$ при воздействиях ААВС или ААСВ. Часть компонент фактора Вп выражают готовность одновременно взаимодействовать с частью компонент факторов Э и П и часть компонент фактора Сс выражают готовность взаимодействовать с частью компонент фактора Э.

• $(Эф(П\&Сс))\&(Bnf(П\&Сс))$ при воздействиях СААВ или ВААС. Часть компонент фактора Э выражают готовность взаимодействовать с частью компонент факторов П и Сс и часть компонент фактора Вп выражают готовность взаимодействовать с теми же частями компонент факторов П и Сс.

• $(Пф(Cc\&Bn))\&(ЭфCc)$ при воздействиях ВСАА или СВАА. Часть компонент фактора П выражают готовность одновременно взаимодействовать с частью компонент факторов П и Вп и часть компонент фактора Э выражают готовность взаимодействовать с частью компонент фактора Сс.

• $(Пф(Э\&Вп))\&(Ccf(П\&Вп))$ при воздействиях АВСА или АСВА. Часть компонент фактора П выражают готовность одновременно взаимодействовать с частью компонент факторов Э и Вп и часть компонент фактора Сс выражают готовность одновременно взаимодействовать с частями компонент факторов П и Вп

1.3.2. Образование в предметной области одной области, способствующей появлению единых признаков внешнеполитической + социальной культуры или экономикой + правовой культуры.

2. **Образование гармонизированных областей.** Область считается гармонизированной, если два смежных фактора одновременно получили одинаковые или разные управляющие воздействия. Гармонизированные области возникают только при горизонтальном или диагональном воздействии.

2.1. Горизонтальное воздействие институциональных органов вызывает одновременное перемещение двух смежных факторов. Результатом такого воздействия является:

2.1.1. Образование в предметной области взаимодействующих факторов.

• Cc_Bn при воздействиях ААВС или ААСВ.

• $Э_П$ при воздействиях СВАА или ВСАА.

Это означает, что часть компонент фактора Сс (Э) взаимодействуют с частями компонент фактора Вп (П). В результате деятельности объекта в этих областях социально ориентирована (экономически выгодна) и не противоречит внешнеполитической системе государства (внутреннему законодательству).

2.1.2. Образование в предметной области двух независимых областей, способствующих появлению в обществе признаков:

• экономической и правовой культуры при воздействиях ВСАА или ВААС;

• социальной и внешнеполитической культуры при воздействиях ААВС или ААСВ.

2.2. Диагональное воздействие институциональных органов вызывает одновременное перемещение двух несмежных или смежных факторов. Результатом такого воздействия является:

2.2.1. Образование в предметной области взаимодействующих факторов.

- Bn_Cc при воздействиях $AABC$ или $AACB$.

- $(\mathcal{E}_Bn) \& (Bn_ \mathcal{E})$ при воздействиях $CAAB$ или $BAAC$. Часть компонент фактора \mathcal{E} взаимодействует с частью компонент фактора Bn на его территории и часть компонент фактора Bn взаимодействует с частью компонент фактора \mathcal{E} на его территории, т.е. деятельность объектов экономически выгодна и соответствует внешней политике страны.

- $P_ \mathcal{E}$ при воздействиях $BCAA$ или $CBAA$.

- $(P_Cc) \& (Cc_P)$ при воздействиях $ABCA$ и $ACBA$. Часть компонент фактора P взаимодействует с частью компонент фактора Cc на его территории, и часть компонент фактора Cc взаимодействует с частью компонент фактора P на его территории, т.е. деятельность социальных объектов находится в правовом поле страны, законы которой социально ориентированы.

3. *Образование смешанных областей.* В этих областях гармонизированные области двух факторов выражают готовность одновременно взаимодействовать с частью компонент двух других факторов. В таких областях есть предпосылки создания гармонизированных областей из частей компонентов трех факторов, что приведет к более эффективному функционированию объектов. Смешанные области возникают только при управляющем воздействии по диагоналям.

3.1. Образование в предметной области взаимодействующих факторов.

- $(Bn_Cc)f(\mathcal{E}\&P)$ при воздействиях $AABC$ или $AACB$.

- $(\mathcal{E}_Bn)f(P\&Cc)$ при воздействии $CAAB$ или $BAAC$.

- $(P_ \mathcal{E})f(Cc\&Bn)$ при воздействии $BCAA$ или $CBAA$.

- $(P_Cc)f(P\&Cc)$ при воздействиях $ABCA$ и $ACBA$.

3.2. Образование в предметной области двух независимых областей, способствующих появлению в обществе признаков:

- экономической и внешнеполитической культуры.

- правовой и социальной культуры.

3.3. Образование области, способствующей появлению в обществе признаков единой социальной + внешнеполитической культуры и экономической + правовой культуры.

Таким образом, авторами рассмотрены различные взаимодействия факторов под влиянием управляющих воздействий институциональных органов, независимо от деятельности конкретного объекта. Знание возможных состояний внешней среды поможет менеджменту провести модификацию организационной структуры объекта, технологии в стратегическом плане. Обычно менеджмент объекта интуитивно находит степень влияния тех или иных факторов на результаты его деятельности и в соответствии с этим выстраивает линию своего поведения в тактическом плане.

Библиографический список

1. Парсонс Т. Понятия общества. Компоненты и их взаимоотношения // Реферативный журнал «Социология». — 1993. — № 3 — 4.
2. Флейшман Б.С. Элементы теории потенциальной эффективности сложных систем. — М.: «Сов. радио», 1971.
3. Харитонов Д.А., Пустобаев В.П. Графическое моделирование внешней среды объектов логистики // Материалы 2-й Международная научно-практическая конференции «Формирование транспортно-логистической инфраструктуры». — Омск.: СибАДИ, 2007.

ПУСТОБАЕВ Владимир Петрович, доктор педагогических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры «Недвижимость и строительный бизнес» инженерно-строительного института.

ХАРИТОНОВ Дмитрий Александрович, аспирант кафедры начертательной геометрии.

Статья поступила в редакцию 27.02.08 г.

© В. П. Пустобаев, Д. А. Харитонов

Книжная полка

Социальная структура современного российского общества [Текст]: коллектив. моногр. / А. В. Воронцов [и др.]; Рос. ученые соц. ориентации, Петров. акад. наук и искусств. — СПб: Союз, 2007. — 199 с.: рис., табл. — ISBN 5-94033-017-7.

В монографии излагаются результаты исследований по проблемам социальной структуры современного российского общества. Определенное место отведено проблеме экономического и социального неравенства членов российского общества как условию их дифференциации и социальной неоднородности. Достоинством издания является то, что проблема социальной структуры современного российского общества исследована не только с позиции сегодняшнего дня, но и с позиции будущего.

ЭКОЛОГИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ КАК ФАКТОР, ВЛИЯЮЩИЙ НА УПРАВЛЕНИЕ ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЕМ

На основе эволюционно-исторического подхода прослежены основные этапы развития общественного экологического сознания. Гуманистические идеи, заложенные изначально в отношении человека к природе в различные исторические периоды (в том числе мировыми религиями) постепенно уступили место потребительским. И только в последние десятилетия в связи с мировым экологическим кризисом начался поворот к начальным истокам, то есть к согласию в системе «общество—природа».

Взаимоотношения человека с природой на протяжении всей истории находились в тесной связи с общественным развитием, отражаясь в его психологии, сознании. Мы выделяем несколько этапов эволюции экологического сознания человека в системе взаимодействия «общество — природа».

В первобытном обществе, основой которого явились охота и собирательство, восприятие и понимание человеком природы было целостным, неантагонистическим, что вытекало из его образа жизни в неразрывной связи с экологической системой и подчинения её законам [10]. Это нашло свое отражение в анимистических концепциях тотемизма, подчеркивающих единство существования общества, природы, животных и человека.

Из религиозных представлений, одушевляющих землю, солнце, растительность, возникли мифы многих народов. Эти религиозные концепции основывались на коллективном бессознательном человечества — архетипах. По К. Юнгу, архетипы представляют собой структурные элементы психики, которые передаются из поколения в поколение как неосознаваемые образы и символы и являются психическими коррелянтами инстинктов [27].

О. В. Курис [11] считает, что каждой исторической эпохе присущ свой архетип восприятия природного окружения, именно он и определяет природообразующую деятельность общества. В период зарождения рабовладельческого строя появляются некоторые противоречия в отношениях общество — природа, в основе которых находятся социальные причины. Они связаны с появлением общественного неравенства, разделением труда, формированием классового общества и государства, природа стала рассматриваться человеком уже не как единое целое, а схематично и несколько отдаленно от него. В период рабовладельческого строя восприятию человеческого сознания были присущи антропоморфизм и персонализация (олицетворение). Антропоморфизм — это перенесение присущих человеку свойств на внешние силы природы, он является более развитой формой представлений по сравнению с анимизмом и в

своем измененном виде присущ большинству современных религий [22].

Мифологическое сознание явилось важнейшей частью осмысления человеком мира, которое в связи с ростом производительных сил, накоплением материальных богатств и знаний, изменялось и трансформировалось в сложные образы и символы [15]. Оно вбирало в себя все лучшее, что накопили предыдущие эпохи. Из мифов впоследствии выделилась философия и наука. Проблема единства природы и общества в античной науке не ставилась, так как природа стала рассматриваться рационализированно и общество вступило в фазу отчуждения от нее. Некоторые особенности мифологического мышления продолжают сохраняться в массовом сознании, в различных сферах общественного и научного знания, пронизывая всю современную культуру и искусство [4].

Отчуждение человека от природы в последующие эпохи культивировалось в религиозных системах, что было связано с особенностями проживания человека в определенных географических условиях [13]. В пустыне человек вступал в борьбу с природой, в тропиках жил в более гармоничных отношениях с нею. Постоянное преодоление сложных климатических условий среды и было причиной появления таких антропоцентрических религий, как иудаизм и генетически связанные с ним христианство и ислам (Валимова, 1997). Буддизм же представлял собой религию единения человека, общества и природы. Возможно, антропоцентрические религии впоследствии способствовали более экстенсивному освоению природы, росту промышленности и производительных сил.

В средневековые общественное экологическое сознание было в основном антропоцентрическим. В христианской картине мира все имело строгую и иерархическую структуру подчинения Богу, в том числе человек, растительный и животный мир. Наука в средневековье была на задворках религии, и только период Возрождения и расцвет наук в XV — XVII вв. (Галилей, Декарт, Кеплер, Ньютон и др.), открыли дорогу к познанию картин мира. Это положило начало новым взглядам на природу и ее законы [14]. Учё-

ным эпохи Возрождения, который обосновал антропоцентризм с точки зрения философии, был Рене Декарт [7]. Взгляды Декарта вылились в философское течение картезианства, которое утверждало абсолютную ценность человеческого разума. Некоторые постулаты учения продолжают существовать и в наши дни в форме общественных представлений, в кратическом мышлении и связанным с ними подходом к природопользованию. О. В. Курис [11] отмечает, что Новому Времени и эпохе Просвещения мы обязаны становлением гуманных идей в отношении «общество — природа». Этому способствовали деятельность французских просветителей, расцвет литературы, искусства, накопленный эпохой Возрождения, демократические идеи ученых о более гуманном устройстве общества.

Последняя культурно-историческая ступень развития человечества, известная под названием «промышленная революция», началась примерно 150 лет назад. Применение техники, использование биологических законов природы, появление индустриального общества и развитие промышленности способствовали уничтожению не только природного ландшафта, но и ранее сформировавшегося антропогенного ландшафта на обширных территориях планеты [20]. Это определило утилитарно-прагматический подход, основанный на архетипе восприятия природы общественным экологическим сознанием как источника богатства. Особое положение человека, его специфическая социально-агрессивная активность по отношению к природе породили ярко выраженный антропоцентризм и забвение того, что человек является результатом событий, которые привели к развитию различных форм жизни [24].

С другой стороны, в недрах общественного экологического сознания зарождались новые течения научной и философской мысли. Важную роль на рубеже XIX — XX вв. в понимании взаимоотношений общество-природа сыграл русский космизм. К нему относятся идеи К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского, В. И. Вернадского, Н. А. Умова [2]. Космисты противопоставляли традиционному антропоцентрическому восприятию человека, как центра вселенной, концепцию непрерывного развития всех форм жизни.

На рубеже XIX — XX вв. в России начали закладываться основы современной науки — экпсихологии. Ученый П. Ф. Каптерев [8] намного опередил развитие прогрессивных экологических и экпсихологических идей. Он писал, что природа, кажется, отодвинута на задний план, а на первом месте стоит общественность. Он разрабатывал решение проблем формирования личности человека в гармоничном взаимодействии с природой на стыке экологии, педагогики и психологии. Начала экологической психологии, как науки, мы находим в трудах А. Ф. Лазурского, С. Л. Франка, разрабатывающих систему отношений человека к различным объектам среды [12].

В этот период за рубежом начали формироваться новые подходы к осмыслению взаимоотношений «человек — среда». В конце XIX — начале XX веков, в США возникает новая мировоззренческая ориентация — американский инвайроментализм. Среди данного направления выделяют консервационизм, охранительное движение, экологизм, которые проявились во многих областях общественной жизни (социология, философия, политэкономия, правоведение, этика, эстетика), и в различных движениях. Консервационизм явился первым этапом развития общественного экологического сознания за рубежом. Его представители выступали за правильную органи-

зацию управления природопользованием на длительную перспективу [7].

С точки зрения биоцентризма, экологизма и охранительного движения, защита окружающей среды должна основываться на глубоких ценностных ориентациях личности. Биоцентризм способствовал формированию биоэтики, которая составляет раздел этики и рассматривает область отношений человека к живым формам жизни. В настоящее время при правительствах многих стран существуют центры по биоэтике, которые привлекают ученых для решения многих вопросов, связанных с целесообразностью деятельности человека в живой природе [16].

Противоречия во взаимоотношениях общество-природа особенно дали о себе знать в 50 — 60 годы XX столетия, когда в результате бурного развития техники вся биосфера земли оказалась под воздействием антропогенного загрязнения. Эти события послужили толчком к переосмыслению стратегий взаимодействия человека с природной средой. В это время новые философские картины и стили мышления — такие, как социально-экологический тип мышления и соответствующая картина мира, определяют научное мировоззрение, и развитие гуманитарных наук и влияют на формирование общественного экологического сознания.

В западных странах с середины 50-х годов развиваются научные дискуссии, проходят конференции по вопросам разрешения противоречий между научно-техническим прогрессом общества и экологическим благополучием окружающей среды. Наиболее выдающимися из научных объединений был Римский клуб, возглавляемый Аурелио Печчеи. Ученый считал, что суть проблемы, которая встала перед человечеством, заключается в том, что люди не успевают адаптировать свою культуру, образ жизни, стереотипы поведения к тем постоянным изменениям, которые сами вносят в этот мир, и источники этого кризиса находятся внутри человеческого существования, а не во внешних причинах [19].

После всемирного конгресса социологов в 1966 г. и 1970 г., в Америке, была организована отдельная секция экологической, или инвайроментальной, социологии (от англ. слова *Inviromental* — окружающая среда). К концу 80-х годов, (после докладов Римскому клубу и идей комиссии ООН «Наше общее будущее»), относится окончательное становление инвайроментальной социологии на западе [25]. В современном виде инвайроментальная социология сопоставима с формационными и цивилизационными парадигмами, изменяющими общественное сознание. За рубежом инвайроментальное движение является управляющей силой общества, влияющей на управленческие, производственные, политические решения, так как 80 % общества сочувствуют «зелёным», и представители этого движения есть во всех социальных группах, вплоть до высших эшелонов власти [3]. Инвайроментализм является прогрессивным общественным движением, которое включает в себя социал-демократические и неокommунитаристские элементы. Инвайроментального направления придерживается вся западная социология и в целом гуманитарная наука.

В нашей стране инвайроментальное движение находится на начальном этапе. В последние 20 лет, особенно после перестройки, в России стали появляться научные работы по инвайроментальной социологии, социальной экологии, экологической психологии. Экологизация общественных наук приводит не только к экологизации массового сознания, но и психоло-

гической науки в целом. В 60-70 годы в Европе и США сформировалось определенное направление психологической науки — экологическая психология. Западная экпсихология основывается на изучении влияния между окружающей средой и сознанием, переживанием, поведением человека и обратным влиянием этого поведения на среду [26].

В 60-х гг. изучением влияния среды на человека в плане психологического и социально-психологического подхода в экологии занимались американские ученые Ittelson и др., [28]. В 1974 американские ученые W. H. Ittelson, H. M. Proshansky, L. G. Rivlin, G. H. Winkel выпустили монографию «Введение в психологию окружающей среды», где рассматривались проблемы истощения природных ресурсов в условиях сознательного отношения человека к оптимальному использованию богатств земли.

Западная экологическая психология охватывает огромный круг вопросов, изучающих влияние физических факторов среды, антропогенной деятельности, культуры, исторического опыта, социально-психологического климата — мнений, норм, ценностей, установок на человека [21]. Большое значение придается изучению различных пространственных отношений — общественных и жилых помещений, их архитектурных форм, геометрических размеров, освещенности и влияния этих факторов на изменение поведения человека, его психику [29].

В России экпсихологические исследования стали развиваться лишь в последние 10 — 20 лет (Ю. Г. Абрамова, С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин, Б. Т. Лихачёв и др.) [17]. В основе роста экпсихологических исследований лежит сложная экологическая ситуация в стране, экономический кризис, социальная незащищенность россиян и поиск выхода из связанных с ними психологических проблем. Наиболее интенсивное развитие экпсихологического направления в нашей стране берет свое начало от изучения социологических и психологических последствий аварии на Чернобыльской АЭС (1986). Группой ученых исследовались социологические и психологические аспекты катастрофы, затем стали развиваться комплексные экспертизы (Чернобыль, 1986 — 1990; Киев, 1988; Новосибирск, 1995 и т.д.) [23], направленное на эффективное социально-экологическое управление региональными проблемами и связанные с промышленным загрязнением и отражением этого риска массовым экологическим сознанием [5].

Методологической основой экологической психологии в отечественной науке является экологическое сознание, основанное не на противопоставлении человека и природы, а на восприятии ее как равноправного партнера по взаимодействию [6]. Экпсихологические исследования последних десятилетий можно объединить в несколько блоков. Теоретическими основами экологического сознания занимаются С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин [6, 7], В. И. Панов [17]. Педагогической психологией экологического сознания также занимаются С. Д. Дерябо, В. А. Ясвин [6, 7], Д. Ф. Петяева. [18] и мн. др. Социальной психологией Г. М. Андреева [1], А. И. Валитова [4], В. Д. Столбун, В. П. Стрельцова, К. О. Чедия [21], А. У. Хараш [23] и др. Наряду с психологическими исследованиями экологического сознания личности необходима разработка социально-психологических подходов, связанных с общественным содержанием, с решением научно-практических задач, основанным на изучении системы экологических знаний, представлений, отношений к природопользованию различных социально-возрастных групп населения.

Мы считаем, что в настоящее время происходит переориентация общественного экологического сознания в сторону архетипа восприятия человеком общества и природы как единой, глобальной экосистемы. Как следует из изложенного, в современных условиях происходит постепенный переворот в общественном сознании в сторону реализации идеалов общества, которое сознательно строит себя.

Одним из показателем научного подхода мирового сообщества к управлению природопользованием является проведение конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (1992), где отмечалось, что рыночная экономика, демократия не могут существовать без интегрированной, рациональной и сбалансированной системы отношений между производством, потреблением и окружающей средой [9]. Мы вступаем в новый этап взаимодействия общества и природы на основе гуманизации и экологизации общественного сознания и возможной перестройки управления природопользованием на более экологически целесообразных и научно-обоснованных позициях.

Библиографический список

1. Андреева Г.М. Психология социального познания. М., 1997.
2. Баландин Р. К. Поиски истины (Жизнь и творчество В. И. Вернадского). М.: Научно-художественная литература, 1983. 302 с.
3. Баньковская С.П. Инвайроментальная социология. - Рига: Зинатне, 1991. — 130 с.
4. Валитова А.И. Социально-психологический анализ экологического сознания кадров гос. управления. Дисс....канд. психологических наук. М., 1997.
5. Вечерская Е.С. К вопросу о гуманитарной экспертизе в решении экологических проблем. / Исследования водных и экологических проблем Приамурья. Владивосток — Хабаровск: Дальнаука, 1999. С. 25-27.
6. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Методологические проблемы становления и развития экологической психологии. // Психологический журнал. — Т. 17, № 6, 1996. — С. 4 — 18.
7. Дерябо С.Д., Ясвин В.А. Экологическая педагогика и психология. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996. — 480 с.
8. Каптерев П.Ф. Педагогический процесс. Спб., 1905 — С. 101.
9. Концепция перехода Российской Федерации на модель устойчивого развития. // Экос-информ. — 1995 — № 3 — 4. — С. 8 — 30.
10. Куракова Л. И. Беседы о природе, обществе и человеке. М.: Знание, 1975. 305 с.
11. Курис О.В. Философский анализ становления экологического сознания: Дис....канд. филос. наук. — М., 1992.
12. Лазурский А.Ф. Избранные труды по психологии. М.: 1997. — 446 с.
13. Маркарян Э. С. К характеристике человеческого общества как «универсальной адаптивно-адаптирующей» системы. // Теория и методика географических исследований экологии человека М.: 1974.
14. Миркин Б. М., Наумова Л. Г. Социальная экология. Уфа: ВЭГУ, 1994. 89 с.
15. Мифы народов мира. Энциклоп.: в 2-х т. — М.: НИ: Большая Российская энциклопедия, 2000. — Т.1.
16. Павлова Т.Н. Биоэтика в высшей школе. — Серия: Охрана дикой природы: Киевский эколого-культурный центр, 1998. — Вып. 10. — 128 с.
17. Панов В.И. Экологическая психология: состояние и перспективы (вместо предисловия от программного комитета). 2-я Российская конференция по экологической психологии. Тезисы. (Москва, 12-14 апреля 2000 г.). М.: Экспоцентр РОСС. — С. 3 — 12.
18. Петяева Д.Ф. Развитие представлений о живой природе у дошкольников: Автореф. канд. дис. М., 1991.

19. Печчеи А. Человеческие качества. М.: Прогресс, 1985. 312 с.

20. Реймерс Н. Ф. Природопользование. Словарь-справочник. М.: Мысль, 1990. 638 с.

21. Столбун В.Д., Стрельцова В.П., Чедия К.О. Социально-экологическая психология как иерархия уровней, воздействующих на становление и развитие человеческой личности. // Сб. Записки практических психологов города Твери и области. — Вып. № 4. — Тверь, 1997. — С. 359-398.

22. Философский словарь. Под ред. М.М. Розенталя. Изд. 3-е. М.: Политиздат, 1972. 496 с.

23. Хараш А.У. Гуманитарная экспертиза в экстремальных условиях: идеология, методология, процедура // Введение в практическую социальную психологию. Учебное пособие для высших учебных заведений. М.: Смысл, 1996, 373 с.

24. Чарльз Дарвин. Происхождение видов. М., 1871.

25. Яницкий О.Н. Экологическая социология (программа курса). // Социологические исследования. — 1997. — № 5. — С. 122 — 132.

26. Pawlik K., Stapf K.H. Perspektiven und Ergebnisse ökopsychologischer Forschung // Umwelt und Verhalten. Verlag Hans Huber, 1992.

27. Jung, Carl. 1984. Man and his symbols. - New-York: Doubleday.

28. Ittelson W.H., Proshansky H.M., Rivlin L.G., Winkel G.H. An Introduction to Environmental Psychology. USA, Holt, Rinehart & Winston, INC, 1974.

29. Barker R.G. On the nature of the environment // Journal of Social Issues, 1963. № 19.

ВЕЧЕРСКАЯ Елена Семеновна, научный сотрудник.

Статья поступила в редакцию 04.02.08 г.

© Е. С. Вечерская

УДК 316

Т. С. ГУСЕВА

**Алексеевский филиал
Белгородского государственного
университета**

ОТНОШЕНИЕ К ИННОВАЦИЯМ В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (ПО ДАННЫМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ОПРОСОВ)

В данной статье освещаются результаты социологического опроса, предмет которого — отношение работников сферы профессионального образования к инновациям, осуществляемым за последние годы в этой сфере — к ЕГЭ (Единому государственному экзамену), росту платных образовательных услуг, введению двухуровневой системы высшего образования «бакалавр—магистр», дистанционному обучению, созданию единой информационной сети образовательных учреждений, введению новых образовательных стандартов, созданию единого образовательного пространства в регионе, повышению роли самостоятельной работы студентов. Опрос проводился среди преподавателей и сотрудников учреждений профессионального образования Белгородской области (опрошено 500 респондентов).

Система профессионального образования в России находится в состоянии затянувшегося реформирования. Продолжается процесс поисков оптимальных организационно-управленческих моделей. Успешность данного процесса зависит от налаженной обратной связи, т.е. учета мнений и реакций работников учреждений профессионального образования, их управленческого и преподавательского персонала.

Цель данной статьи — ознакомить читателя с результатами социологического опроса, предмет которого — отношение работников сферы профессионального образования к инновациям, осуществляемым за последние годы в этой сфере.

Опрос проводился в феврале — апреле 2007 года среди работников учреждений профессионального образования Белгородской области — преподавателей вузов (опрошено 200 респондентов), колледжа (150 респондентов) и профессионально-технических лицеев (150 респондентов).

В ходе исследования было предложено респондентам выразить свое отношение к нововведениям в сфере профессионального образования, а именно к ЕГЭ (Единому государственному экзамену), росту платных образовательных услуг, введению двухуровневой системы высшего образования «бакалавр — магистр», дистанционному обучению, созданию единой информационной сети образовательных учреждений, введению новых образовательных стандартов, созданию единого образовательного пространства в регионе, повышению роли самостоятельной работы студентов.

С учетом полученных данных, а также дифференцированных ответов по возрасту и полу, представим оценочную характеристику каждого образовательного нововведения.

Единый государственный экзамен. Это нововведение имеет низкий оценочный индекс. Отрицательно оценивают его 68 % работников вузов, 58 % работ-

ников колледжа и 56 % работников профессиональных лицеев. Неоднозначную оценку дали соответственно 24,0, 40,0 и 30,0 % респондентов. Значительно меньше положительных оценок — 8,0, 2,0 и 12,0. Проявляется такая зависимость: чем выше статус образовательного учреждения, представляемого респондентами, тем ниже оценочный показатель единого государственного экзамена. Гендерные различия не влияют на оценку нововведения, однако заметно влияют на нее возрастные различия. Чем старше респонденты, тем критичнее их оценки.

Рост платных образовательных услуг. Данное нововведение также имеет низкий оценочный рейтинг, особенно в оценке работников вузов и колледжей. Отрицательно оценивают это новшество соответственно 84 % и 86 % опрошенных, неоднозначно — 12 %. Ни один из вузовских работников не дал положительной оценки «росту платных образовательных услуг», а среди работников колледжа таковых оказалось всего 2 %. Можно сказать, практически все опрошенные работники против тенденции роста платных образовательных услуг. Чуть более лояльны оценки, «выставленные» работниками профессиональных лицеев.

Гендерные и возрастные различия не влияют на оценку рассматриваемого нововведения, за исключением того, что все затруднившиеся с ответом находятся в возрасте до 40 лет.

Введение двухуровневой системы высшего образования. Оценочный показатель данного нововведения можно квалифицировать как невысокий. «Неоднозначную» оценку дают 52 % работников вузов, 48 % работников колледжей и 32 % работников профессиональных лицеев. Отрицательную оценку дают соответственно 30 %, 16 % и 32 % респондентов. Значительно меньше респондентов, положительно оценивающих рассматриваемое нововведение, — 10 %, 12 % и 24 %. Обращаем внимание на такую закономерность: чем выше статус образовательного учреждения, представляемого респондентами, тем ниже оценивается введение двухуровневой системы высшего образования. Многие из опрошенных затруднились выразить свое отношение к данному нововведению. Особенно много их среди работников колледжей — 24 %. И надо отметить: чем старше респонденты, тем критичнее их оценки.

Дистанционное обучение. Большинство респондентов, как и в предыдущем случае, неоднозначно оценивают данное нововведение: 60 % работников вузов, 68 % работников колледжей и 46 % работников лицеев. Среди «однозначных» оценок преобладают отрицательные: соответственно 32 %, 12 % и 22 %. Положительно оценивает дистанционное обучение каждый пятый работник лицеев, каждый десятый работник колледжей и только 4 % работников вузов. Опять же проявляется такая закономерность: чем выше статус образовательного учреждения, представляемого респондентами, тем критичнее оценки. Критическое отношение к дистанционному обучению сравнительно более выражено также у респондентов-мужчин и у респондентов в возрасте старше 40 лет.

Создание единой информационной сети. В отличие от других образовательных инноваций, рассмотренных ранее, данное нововведение оценивается положительно большинством респондентов. Положительно оценивают его две трети работников вузов, колледжей, три четверти работников лицеев. Вместе с тем многие опрошенные затруднились определить свое отношение: каждый четвертый вузовский работ-

ник, каждый пятый работник учреждений среднего и начального профессионального образования.

Что касается гендерных и возрастных различий, то они не оказывают существенного влияния на отношение респондентов к рассматриваемому нововведению.

Введение новых образовательных стандартов. Данное нововведение имеет невысокий оценочный рейтинг. Большинство опрошенных респондентов относится к нему неоднозначно, в том числе две трети работников вузов и колледжей. Среди работников лицеев удельный вес неоднозначных оценок значительно ниже — 38 %. Отрицательное отношение выразили соответственно 20 %, 4 % и 24 % работников. Чем выше статус образовательного учреждения, представляемого респондентами, тем критичнее оценки. И еще одно: критичность в оценках сильнее проявляется у мужчин и лиц в возрасте свыше 40 лет.

Создание единого образовательного пространства в регионе. Данное нововведение оценено довольно высоко всеми респондентами и, особенно работниками вузов. Более чем три четверти из них дали положительную оценку (среди работников колледжей и лицеев таковых половина). Таким образом, чем выше статус образовательного учреждения, представляемого респондентами, тем больше привлекает их создание единого образовательного пространства в регионе.

Проявляется «возрастная» зависимость оценок: респонденты в возрасте старше 40 лет более критичны в оценке характера и последствий рассматриваемого нововведения; среди них также сравнительно больше затруднившихся с ответом.

Повышение роли самостоятельной работы студентов. Оценочный рейтинг этого нововведения, как и многих других, невысок. Сравнительно выше он в оценке, данной работниками вузов и колледжей. Преобладает неоднозначное отношение к данному новшеству. Такое отношение выразили 60 % работников вузов, 66 % работников колледжей и 72 % работников лицеев. Положительную оценку дали соответственно 26 %, 20 % и 4 % опрошенных, отрицательную оценку — 14 %, 8 % и 18 %.

Как и в предыдущем случае, проявляется такая зависимость: респонденты в возрасте свыше 40 лет более критичны в оценке нововведения «повышение роли самостоятельной работы студентов», нежели их молодые коллеги.

В ходе исследования особое внимание обращалось на анализ отношения респондентов к платному образованию. Респондентам было предложено несколько вариантов ответа:

- профессиональное образование должно быть бесплатным — радикально-отрицательный вариант;
- профессиональное образование должно быть платным — радикально-положительный вариант;
- профессиональное образование должно быть преимущественно платным — умеренно-положительный;
- профессиональное образование должно быть преимущественно бесплатным — умеренно-отрицательный;
- профессиональное образование должно быть и тем и другим — компромиссный.

Абсолютное большинство респондентов выступает за бесплатное образование — 80 % работников вузов, 96 % работников колледжей и 52 % работников лицеев. Ни один из опрошенных не выбрал вариант платного образования — ни в радикальной, ни в умеренной его формах. Некоторые респонденты склон-

ны к компромиссному варианту образования, совмещающему элементы платного и бесплатного. Таковую склонность проявляют каждый пятый работник вузов и каждый второй работник профессиональных лицеев. У компромиссного варианта профессионального образования сравнительно больше сторонников среди респондентов-мужчин и респондентов в возрасте до 40 лет.

Проведенный анализ приводит к следующим общим выводам.

1. Достаточно высок оценочный показатель двух образовательных нововведений: создание единой информационной (компьютерной) сети образовательных учреждений и создание единого образовательного пространства в регионе. Низок оценочный рейтинг нововведения «рост платных образовательных услуг» и особенно «Единый государственный экзамен». Оценочный рейтинг остальных нововведений («дистанционное обучение» и т.д.) можно квалифицировать как невысокий.

2. Чем выше статус образовательного учреждения, представляемого респондентами, тем критичнее они относятся к нововведениям, проводимым в сфере профессионального образования. Сравнительно более критичны оценки со стороны респондентов—мужчин, а также респондентов в возрасте старше 40 лет.

3. Подавляющее большинство респондентов выступает за бесплатное образование, остальные придерживаются компромиссного варианта, совмещающего в определенных пределах элементы платного и бесплатного образования.

Библиографический список

1. Всероссийское совещание работников образования. Москва. Кремль, 14 – 15 января 2000г. Стенографический отчет. — М.: Высшая школа, 2000.
2. Высшее образование — интеллектуальный потенциал страны. — М., 2005.
3. Еремкин А.И. Российская система образования: проблемы и решения. — Белгород: Изд-во БелГУ, 2007.
4. Ильинский И.М. О новой миссии образования // Право и образование. — 2003. — № 4.
5. Образование в информационном обществе XXI века. — М.: Межд. изд-во «Информациология», 2003.

ГУСЕВА Татьяна Степановна, заместитель директора.

Статья поступила в редакцию 13.11.07 г.

© Т. С. Гусева

УДК 330.831.43

Е. П. КУКЕЛЬ
Е. А. КОСЬМИНА

Омский государственный
технический университет

Омский филиал
Академии бюджета и казначейства

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ БЛАГОСОСТОЯНИЯ

В данной статье рассматривается одна из наиболее актуальных проблем современности — систематизации отдельных теорий, посвященных исследованию благосостояния. Что понимать под термином «общественное (индивидуальное) благосостояние» и как определять его уровень, а также какие факторы оказывают на него положительное и отрицательное влияние.

Чтобы овладеть теорией предмета, надо знать историю предмета.

Г. Гегель

Экономическая теория благосостояния исторически развивалась параллельно развитию и смене парадигм (философских концепций) в «экономической теории», начиная с античности и до наших дней.

Экономическая теория благосостояния имеет длительную историю развития. На протяжении всего своего существования человечество, как и отдельный человек, всегда стремилось к достижению благосостояния. На разных этапах развития мировой цивилиза-

ции исследователи рассматривали благосостояние с различных точек зрения, вкладывая в это понятие «свой» смысл, который обуславливался мировоззрением, характерным для конкретной эпохи.

Первые размышления о богатстве можно проследить в античной Греции, в частности, у Аристотеля. Аристотель различает обмен, направленный на удовлетворение потребностей, который надо поощрять, и обмен с целью наживы, который он осуждает. Как заметил Аристотель в самом начале «Никомаховой этики», «богатство — это, конечно, не искомое благо, ибо оно полезно, т.е. существует ради чего-то другого» [3, 7]. Если мы хотим глубже понять процесс раз-

вития, нам потребуется хорошенько изучить его цели и средства. Было бы упущением с нашей стороны принять за основной предмет исследования исключительно достижение максимальных доходов или богатства, которое, как отмечал Аристотель, «существует ради чего-то другого». По той же причине невозможно рассматривать экономический рост как самоцель [3, 7]. Его идеи дали толчок для философского осмысления богатства и в дальнейшем благосостояния, в частности.

Меркантилисты расширили свои исследования до исследования природы процессов обогащения нации посредством контроля над внешней торговлей, стимулирования рабочих мест путем защиты национальной промышленности и стимулирования внутренней экономической активности посредством ввода в оборот дополнительного количества наличных денег.

Именно вышеуказанным течениям экономической наука обязана самой постановкой вопроса исследования благосостояния как категории.

В исследованиях представителей классической политической экономии А. Смита, Д. Рикардо, К. Маркса, Дж. С. Милля благосостояние рассматривалось в зависимости от производительности общественного труда и его пропорциональности потребностям.

В своей работе «Исследование о природе и причинах богатства народов» А. Смит рассматривал труд как источник (причину) индивидуального и общественного благосостояния. «Собственным трудом человек может добывать лишь очень небольшую часть этих предметов: значительно большую часть их он должен получать от труда других людей; и он будет богат или беден в зависимости от количества того труда, которым он может распорядиться или которое он может купить» [4, 31].

А. Смит сформулировал три принципа, имеющие самое непосредственное отношение к данной проблеме: основной мотив человека в области хозяйствования — корыстный интерес, самоорганизующийся и саморегулирующийся рынок вкупе с «невидимой рукой» трансформирует частный интерес в общественное благо; наилучшей политикой с точки зрения обеспечения роста богатства народа является та, которая меньше всего воздействует на свободную игру рыночных сил [4, 31].

Для Смита общее благо — это национальное богатство или доход; индивидуальное благо — это индивидуальный доход. У Смита между ними нет и не может быть противоречия, и, что очень важно, свободный рынок наилучшим образом обеспечивает согласование интересов и достижение как индивидуального, так и общественного блага.

Для Смита экономическая свобода (свободный рынок) была не только условием процветания, но, в силу специфики его мировоззрения, и необходимым атрибутом справедливого общественного порядка. Поэтому для Смита не существовало волнующей сегодня политиков и экономистов дилеммы: эффективность или справедливость.

Также необходимо уделить внимание взглядам французского экономиста Франсуа Кенне, заложившего впервые в истории экономической мысли основополагающие принципы (критерии) классового образования. Ему принадлежат первая модель экономического роста и определение принципов распределения совокупного дохода общества по статусному признаку классов.

Заслугой Рикардо было построение первой в теории благосостояния аналитической модели распределения доходов между классами на основе определен-

ных допущений для решения конкретных практических задач.

Особое внимание необходимо уделить концепции основателю утилитаризма английскому философу-моралисту И. Бентаму. Его понятие благосостояния было основано на теории наслаждения (полезности). Индивидуальное благосостояние, по его мнению, — это определенная величина эгоистических наслаждений, удовольствия и даже счастья, подверженная точному измерению со стороны каждого индивида. Поскольку страдания наносят ущерб индивидуальному благосостоянию, то для их измерения необходимо из суммы наслаждений вычесть сумму страданий за определенный период времени.

«Природа поставила человечество под управление двух верховных властей: страдания и удовольствий. Им одним предоставлено определять, что мы можем делать, и указывать, что мы должны делать. Они управляют нами во всем, что мы делаем, что мы говорим, что мы думаем» [И. Бентам].

Его идея исчисления счастья, в основе которой лежит своеобразная попытка ранжирования удовольствий и страданий, которая основывается на предположении об однородности удовольствия и его измеримости. Удовольствия, получаемые разными людьми или одним человеком в разное время, могут различаться между собой по семи характеристикам: интенсивности, продолжительности, определенности, близости по времени, плодотворности, чистоте и распространенности. Но все удовольствия с разными характеристиками, по мнению Бентама, могут быть пересчитаны в однородное удовольствие.

Но предложенная И. Бентамом теория порождает ряд проблем как субъективного, так и объективного характера. К первой группе проблем относится то, что разные люди по-разному оценивают одни и те же явления жизни (что для одного хорошо, то для другого плохо). Объективной же проблемой является различие в положении разных членов общества при одних и тех же экономических условиях. Из чего следует, что методы измерения благосостояния через наслаждение (полезность) являются достаточно приближительными.

Под влиянием идей И. Бентама оказались некоторые представители маржинализма, в том числе и экономист У. Джевонс. Он полагал, что убеждения Бентама об исчислении наслаждений и страданий можно приложить к экономическому подходу осмысления человеческого поведения. Кроме того, его утверждение, что все товары в результате обмена распределяются таким образом, чтобы доставить максимум выгоды, почти созвучно с основным постулатом Бентама: природа поставила человечество под управление двух верховных властей: страдания и удовольствия. Им одним предоставлено определять, что мы можем делать, и указывать, что мы должны делать. Они управляют нами во всем, что мы делаем, что мы говорим, что мы думаем.

Наслаждение у Джевонса имеет два измерения: интенсивность и продолжительность. Он различает валовое и чистое наслаждение, причем чистое наслаждение получается в результате вычитания из валового наслаждения валовое страдание. С течением времени наслаждение уменьшается, его величина зависит от наличного предложения товара, который приносит соответствующий вид наслаждения.

Но, в отличие от Бентама, Джевонс признавал, что фактически невозможно измерить комплекс испытываемых наслаждений — страданий, поскольку не существует единицы измерения. Экономисту надлежит

знать лишь, является ли в одном случае наслаждение большим, чем в другом, или же между ними существует равновесие и когда наслаждение превосходит страдание. Такой подход предполагает, что непосредственно сопоставляются порядковые величины и выносится общее суждение о соотношении между наслаждением и страданием.

Л. Вальрас, К. Менгер, У. Джевонс, А. Маршалл и другие — поставили во главу угла индивидуальное благосостояние, определяемое двумя обстоятельствами: предпочтениями индивида и наличием условия для осуществления рационального выбора при использовании ресурсов.

Для измерения индивидуального благосостояния была введена функция индивидуальной полезности. Главной проблемой теории благосостояния является возможность межперсонального сопоставления измерения полезности (благосостояния), которую попытался решить в своих исследованиях А. Маршалл, введя такое понятие, как потребительский излишек — «положительный эффект в благосостоянии потребителя, получаемый от разницы между ценой, которую он согласен был заплатить, чтобы только совсем не остаться без товара, и ценой, по которой он действительно приобрел товар» [6, 32].

Полную картину рыночного процесса формирования благосостояния индивидов путем их взаимного согласования и координирования и достижения в итоге общественного благосостояния создал Вальрас Л. в своей концепции общего равновесия [6, 17]. Разработанная им модель показывает, что определение цен на производимые товары и цен на факторы производства может быть только одновременным, а не поочередным, что частичное равновесие на определенном количестве рынков не гарантирует общего равновесия для всей экономики с данным количеством рынков.

Доказав существование, единственность и устойчивость ситуации всеобщего равновесия, к которой может привести экономику рынок, тем самым показал, что данное состояние является оптимальным состоянием экономической системы.

Новый подход в нахождении оптимального состояния экономической системы, максимального благосостояния был развит итало-швейцарским экономистом В. Парето. Основным вкладом Парето в экономическую теорию является предложенный им критерий благосостояния, согласно которому состояние называется оптимальным, если выполняется следующее условие: ничье благосостояние не может быть улучшено без ухудшения благосостояния кого-либо другого. Согласно Парето, понятие оптимальности определяется как такое состояние экономики, при котором благосостояние ни одного человека не может быть повышено (посредством любого возможного перераспределения ресурсов или готовых продуктов) без того, чтобы при этом не был причинен ущерб благосостоянию кого-либо другого [5, 632].

Общий смысл его рекомендаций Парето проистекает из представления о том, что оптимальное состояние тесно связано с конкурентным равновесием, и сводится к следующему: если экономика близка к совершенной конкуренции, вмешательство государства излишне, если нет, то желательно устранить препятствия для свободной конкуренции или осуществлять такие меры перераспределительного характера, которые бы компенсировали действие факторов, мешающих свободной конкуренции.

Концепция оптимальности, предложенная Парето, при всей ее стройности оказалась непригодной для

анализа проблем благосостояния. Во-первых, правило Парето позволяет провести лишь ограниченные сопоставления различных состояний экономики, с его помощью нельзя предложить критерии для выбора определенного варианта из бесконечного множества потенциально возможных вариантов распределения доходов. Во-вторых, может быть поставлена под сомнение эмпирическая значимость выводов из теории общего равновесия (которая предполагает повсеместное — в рамках данной экономики — существование рынков, функционирующих в условиях совершенной конкуренции без издержек на формирование рыночных связей) [5, 635].

Существование таких теоретических проблем привело к появлению более сложного подхода, в частности Н. Калдором и Дж. Р. Хиксом был предложен принцип компенсации, согласно которому изменение экономических условий увеличивает общественное благосостояние в том случае, если индивиды, получившие в результате его выигрыш, способны компенсировать ущерб тем, кто его понес и, все равно, остаться в выигрыше. Данный подход, так же как и критерий Парето, позволяет избежать необходимости межличностного сравнения полезности и, в то же время, применим к более широкому классу экономических состояний. Сам критерий не предполагает действительной компенсации, в данном случае сама возможность данной компенсации рассматривается как достаточное условие того, чтобы какое-либо экономическое изменение рассматривать как увеличивающее благосостояние общества.

Однако этот критерий также не свободен от недостатков, в связи с этим критерием принято выделять две проблемы, а именно проблему обратимости и проблему нетранзитивности.

Невозможно не уделять внимания теории экономического благосостояния английского экономиста А. Пигу. Все его научное наследие в той или иной степени связано с проблемой благосостояния. Целью своего исследования Пигу поставил разработку практического инструментария для обеспечения благосостояния на основе посылок неоклассической теории: теории убывающей предельной полезности, субъективно-психологического подхода в оценке благ и принципа утилитаризма. Можно с полным правом сказать, что Пигу завершил создание неоклассической теории благосостояния.

Подчеркнув многоплановость понятия благосостояния, Пигу выделяет два его момента. Во-первых, понятие «благосостояние отражает элементы нашего сознания и, возможно, взаимозависимость этих элементов, во-вторых, благосостояние может быть описано понятием “больше-меньше”» [1, 73].

В центре теории Пигу стоит понятие национального дивиденда, или национального дохода, рассматриваемого как чистый продукт общества, как множество материальных благ и услуг, покупаемых за деньги «Таким образом, я буду относить к национальному дивиденду все то, что люди покупают на свои денежные доходы, а также услуги, предоставляемые человеку жилищем, которым он владеет и в котором проживает» [1, 101]. И этот показатель Пигу считает не только мерой эффективности производства, но и мерой общественного благосостояния. Как видим, подход Пигу к проблеме благосостояния предполагает взгляд с позиции всего общества, а не индивида.

В рамках своей концепции Пигу обратил внимание на то, что понятие индивидуального благосостояния шире, чем чисто экономические его аспекты. Помимо максимума полезности от потребления, оно вклю-

чает и такие составляющие, как характер работы, условия окружающей среды, взаимоотношения с другими людьми, положение в обществе, жилищные условия, общественный порядок и безопасность. В каждом из подобных аспектов человек может чувствовать себя удовлетворенным в большей или меньшей степени. На сегодняшний день эти характеристики объединены в такое понятие, как «качество жизни».

У Пигу размеры валового национального продукта не точно отражают уровень общего благосостояния, поскольку и состояние окружающей среды, и характер работы, и формы досуга и др. являются реальными факторами благосостояния и возможно поэтому изменение уровня общего благосостояния при неизменном уровне экономического благосостояния. Особенно подробно в связи с этим Пигу анализирует ситуации, когда деятельность предприятия и потребитель имеет так называемые «внешние эффекты», которые денежной меры не имеют, но на благосостояние, тем не менее, реально влияют. Пигу отмечает, что в зависимости от знака внешних эффектов общественные затраты и результаты могут быть либо больше, либо меньше частных. Максимизация общественного благосостояния, по Пигу, предполагает не только систему прогрессивного налогообложения доходов, но и измерение так называемых «внешних эффектов» и организацию перераспределения денежных средств через механизм государственного бюджета. Другими словами, в модели Пигу при расчете благосостояния, среди прочего, должны учитываться расхождения между предельным частным продуктом и предельным общественным продуктом и побочные отрицательные последствия экономической деятельности должны облагаться налогом, которое в дальнейшем получило название «налогообложение в духе Пигу».

Следующий этап развития экономической теории благосостояния был связан с учением Дж. М. Кейнса. По его мнению, государство, влияя своей макроэкономической политикой на уровень использования ресурсов и национального дохода, определяет тем самым уровень благосостояния. Кейнсианство в определенном смысле вернулось к анализу благосостояния с общественных позиций, что было характерно для А. Смита.

Представители современного подхода А. Бергсон и нобелевские лауреаты К. Эрроу и П. Самуэльсон исследовали проблему соотношения индивидуального и общественного благосостояния. Концепция общественного благосостояния А. Бергсона получила название ординалистской. Он сформулировал в наиболее общем виде функцию общественного благосостояния, в которую можно вместить любые ценностные суждения от сторонников равенства и Роулса до Ницше. Значение данной функции общественного благосостояния в теории благосостояния очень велико, поскольку именно она позволяет из множества Парето-оптимальных состояний выбрать наилучшее, являющееся общественным оптимумом. Концепция общественного оптимума, объединившая теорию Парето-оптимальности и общественных альтернатив, осуществляется не только на основе критерия эффективности, но и использования принципа справедливой справедливости [6, 19].

Подход Самуэльсона к определению функции индивидуального благосостояния состоял в отказе от традиционного дедуктивного метода выведения данной функции из заданной системы предпочтений и ограничений и основывался на наблюдениях за инди-

видом, в ходе которых определялись и ранжировались «выявленные предпочтения». Самуэльсон ввел критерий — критерий Самуэльсона, сущность которого заключается в том, что из всех возможных ситуаций в обществе одна ситуация считается потенциально предпочтительней другой с точки зрения общественного благосостояния, если для каждого распределения набора благ X между индивидами будет существовать некоторое распределение набора благ Y , при котором, по крайней мере, один индивид улучшит свое благосостояние, а остальные его не ухудшат [6, 49].

К. Эрроу доказал третью теорему благосостояния. С тех пор появилось множество работ, связанных с ее модификациями, вариантами и был сделан неизбежный огорчительный вывод, что не существует логически надежного пути, чтобы объединить предпочтения различных индивидов и решить проблему распределения.

К. Эрроу полагал, что функцию общественного благосостояния можно вывести только из предпочтений индивидов, составляющих общество [7, 75–78]. Причем важно найти механизм, согласно которому порядковые предпочтения отдельных индивидов будут агрегированы в порядковые предпочтения общества. Очень важно также, чтобы общественные предпочтения чутко отражали любое изменение в индивидуальных предпочтениях, т.е. механизм агрегирования должен быть совершенным. К. Эрроу впервые в экономической теории поставил проблему зависимости общественного благосостояния от механизма выявления и агрегирования индивидуальных предпочтений. Данная проблема состоит в том, что если для выявления индивидуальных предпочтений существует эффективный механизм конкурентного рынка, когда индивид демонстрирует желательность или нежелательность какого-либо блага, покупая или не покупая его, то существует ли столь же эффективный механизм выявления общественных предпочтений [6, 51].

Формальная модель Эрроу принятия коллективного решения состоит из множества индивидов, каждый из которых имеет предпочтение, определенное на множестве общественных альтернатив. Проблема общественного выбора состоит в построении такого агрегированного правила, которое назначат общественное предпочтение для любого набора индивидуальных предпочтений. Таких правил существует очень много. Исходной позицией для анализа этих правил является теорема Эрроу о невозможности. Он доказал, что если множество индивидов конечно, множество альтернатив конечно и содержит, по крайней мере, три альтернативы, то не существует агрегированного правила, которое удовлетворяет следующим пяти условиям: 1) результирующее общественное предпочтение транзитивно и полно; 2) результирующее общественное предпочтение согласовано с оптимумом по Парето; 3) результирующее общественное предпочтение над любыми двумя альтернативами не зависит от индивидуальных предпочтений над любыми парами альтернатив; 4) агрегированное правило не является диктаторским; 5) агрегированное правило определено на любых наборах индивидуальных предпочтений, которые полны и транзитивны.

В начале XX века стала формироваться концепция «государства благоденствия», согласно которой ответственность государства распространяется до ответственности общества за благосостояние граждан. Представителями этого направления были Г. Мюрдаль, Дж. Гэлбрейт, Дж. Бьюкенен, Л. Эрхард, Л. фон Мизес, Ф. А. Хайек и другие.

Работы Л. Эрхарда, Л. фон Мизеса и некоторых других экономистов интересны тем, что они с позиций практики позволяют оценить слабые и сильные стороны социально-рыночного хозяйства. В них обоснована идея конкурентного порядка, ставшей одной из фундаментальных основ модели социального рыночного хозяйства, которая подтверждается практикой. В этом плане полезным является вывод о том, что целостность экономической системы обеспечивается только в результате осуществления государством определенной политики хозяйственного порядка.

В заключение считаем целесообразным рассмотрение концепции нашего современника А. Сена, который в своих исследованиях предлагает обратиться к этно-философским концепциям Ролза, Ноузики и др., подрывающим основы утилитаристской этики, а вместе с ними и привычный ракурс рассмотрения проблем благосостояния. Он показывает, какие возможности для экономического анализа благосостояния открывает использование понятия деятельности, свободы, прав, признание множественности этически значимых утверждений, всеобщей взаимозависимости и т.д. [2, 3 – 7].

Модификация философской основы, намеченная Сеном, расширяет рамки теории благосостояния, но одновременно ставит вопрос о том, насколько она совместима с привычными требованиями логической строгости теоретических построений.

Выводом всего вышесказанного может служить следующее, теория благосостояния настолько обширна и многогранна, что говорить о том, что теория сформировалась и имеет свои плюсы и минусы, просто нелепо. С развитием истории, а следовательно, с изменениями философских взглядов теория экономического благосостояния «впитала» в себя огромное множество мировоззренческих концепций, но это только усложнило понимание и решение главного вопроса: что же представляет собой благосостояние?

Как говорил великий экономист А. Сен: «Теория благосостояния подобна черной дыре, чем больше мы

получаем ответов на поставленные вопросы, тем больше мы рождаем новых сложных и нерешаемых вопросов».

Библиографический список

1. Пигу А. Экономическая теория благосостояния, Т. I: Пер. с англ./ общ. ред. С.П. Аукудионека; Вступ. ст. Г.Б. Хромушина. — М.: «Прогресс», 1985. — 512 с.
2. Сен А. Об этике и экономике (пер. с англ.). — М.: Наука, 1996. — 160 с. — ISBN — 5-02-0122297-1.
3. Сен А. Развитие как свобода / Пер. с англ. под ред. и с послеслов. Р.М. Нуреева. — М.: Новое издательство, 2004. — 432 с. — ISBN — 5-98379-009-9.
4. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства народов: (Отд. гл.) / А. Смит. — Петрозаводск: Петроком, 1993. — 320 с.
5. Современная экономическая мысль: Пер. с англ. / [И.Х. Рима, Г.А. Шэк и др.]; Общ. Ред. В.С. Афанасьева, Р.М. Энтова; Вступит. статья В.С. Афанасьева, с. 5-42. — М.: «Прогресс», 1981. — 815 с.
6. Тарасова С.В. Экономическая теория благосостояния: Учеб. пособие для вузов. — М.: ЮНИТИ — ДАНА, 2001. — 239 с. — ISBN — 5-238-00274-2.
7. Эрроу К. Дж. Коллективный выбор и индивидуальные ценности / Кеннет Дж. Эрроу; пер. с англ. [Ю.М. Яновская; науч. ред., авт. предисл., послесл. Ф.Т. Алескерова]. — М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2004. — 201, [1] с. — ISBN — 5-7598-0250-х.

КУКЕЛЬ Екатерина Петровна, ассистент кафедры «Основы экономической теории» Омского государственного технического университета.

КОСЬМИНА Елена Анатольевна, кандидат экономических наук, доцент Омского филиала Академии бюджета и казначейства.

Статья поступила в редакцию 25.01.08 г.

© Е. П. Кукель, Е. А. Космина

Книжная полка

Холостова, Е. И. Профессионализм в социальной работе [Текст]: учеб. пособие / Е. И. Холостова. — 2-е изд. — М.: Дашков и К°, 2008. — 233 с.: табл. — (Золотой фонд учебной литературы) (Социальная работа). — ISBN 978-5-91131-612-9.

В учебном пособии анализируются духовно-нравственный портрет специалиста социальной работы, его профессиональные качества, специфика навыков и умений работы с различными категориями населения, а также система подготовки данной категории специалистов как в России, так и за рубежом.

Для студентов и преподавателей вузов социального профиля, а также специалистов социальной сферы.

АДАПТАЦИЯ СТАРШЕКЛАССНИКОВ К РЫНКУ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАНИЯ И ЗАНЯТОСТИ (НА ПРИМЕРЕ г. САРАТОВА)

На основании социологического исследования выявлена степень социально-профессиональной адаптации старшеклассников к рынку труда: выбор учреждения профессионального образования, возможность совмещения учебной и трудовой деятельности, связь работы с получаемой профессией, планы учащихся после окончания профессионального учебного заведения, перспектива трудоустройства по профессии, оценка вероятности столкнуться с молодежной безработицей.

Отсутствие единой образовательной и кадровой политики в Российском государстве привело, как известно, к дисбалансу спроса рабочей силы на рынке труда и предложения на рынке образовательных услуг. Как следствие, потребность экономики в квалифицированных кадрах на сегодняшний день остается не удовлетворенной. Поскольку профессиональное образование оказалось оторванным от требований рынка труда, большая часть выпускников учреждений профессионального образования не находят работу по полученной специальности. Для решения назревшей социальной проблемы в концепции модернизации российского образования на период до 2010 года заложена методология приведения в соответствие качественного и количественного состава выпускников системы профессионального образования перспективным потребностям рынка труда [1].

На наш взгляд, адаптация выпускников к рынку труда начинается еще задолго до момента окончания учреждения профессионального образования. В старших классах общеобразовательной школы учащийся сталкивается с необходимостью выбора своей будущей профессиональной деятельности, и от этого выбора зависит степень социально-профессиональной адаптации в сфере труда в дальнейшем. Для большинства старшеклассников получение профессионального образования является основой его социализации, важным этапом вступления во взрослую жизнь. Поэтому школьная молодежь стремится приобрести образование по наиболее востребованным на современном рынке труда профессиям, что является «началом деловой карьеры, ростом в личном плане, то есть повышением социальной активности личности» [2, с. 142].

Но адаптация к рынку труда не ограничивается лишь выбором профессии, большую роль играют представления школьной молодежи о своей будущей трудовой деятельности. Эти представления впоследствии трансформируются в трудовые ориентации, направляющие поведение личности. Посредством мотивированного трудового поведения школьник начинает приспосабливаться, адаптироваться к рынку труда.

В направлении нашего анализа полезно привлечь подход, выделяющий несколько уровней социальной

самоидентификации молодежи. Наибольший интерес для нас представляет «социально-профессиональный уровень идентификации» [3, с. 134], который регулирует «поведение, мотивацию и социальную адаптацию». Для определения степени социально-профессиональной адаптации школьной молодежи к современному рынку труда на микроуровне, нам необходимо проанализировать индивидуальное поведение учащихся старших классов общеобразовательных школ на рынке труда, включающее профессиональные и трудовые намерения старшеклассников после окончания школы.

Задавшись целью выяснить профессиональные намерения учащихся после окончания школы и перспективу трудоустройства в дальнейшем, мы провели анкетный опрос старшеклассников общеобразовательных школ г. Саратова. Исследование проводилось в мае – июне 2007 года в городе Саратове. Опрос осуществлялся по кластерной выборке, построенной с учетом квот, отражающих основные социально-демографические характеристики учащихся 9 – 11 классов общеобразовательных средних школ. Общее число опрошенных 165 человек, выраженное пропорциональным соотношением количества учащихся старших классов (33,3 % девятиклассников, 33,3 % десятиклассников и 33,3 % учащихся одиннадцатых классов).

Таким образом, в исследовании приняли участие 41,2 % юношей и 58,8 % девушек. Опросом была охвачена молодежь в возрасте от 14 до 17 лет.

В процессе определения профессиональных намерений старшеклассников после окончания школы с помощью анкетного опроса нам удалось выяснить, что практически две трети учащихся общеобразовательных школ (74,5 %) желают поступить в высшие учебные заведения. 20,6 % школьников выбрали средне-специальные учебные заведения. Вместе с тем 4,2 % учащихся остановили свой выбор на учреждениях начального профессионального образования. Высокие числовые данные, свидетельствующие в пользу выбора высшего образования современными школьниками, сигнализируют о том, что престиж вузов в настоящее время достаточно высок. При этом очную форму обучения предпочли 73,3 % будущих студентов и лишь 17 % заочную.

Совмещать учебную деятельность с трудовой планирует почти половина респондентов (57 %). В свою очередь, 27,3 % школьников собираются посвятить себя учебе целиком. В связи с этим заметим, что среди респондентов, выбравших заочную форму обучения, трудовую деятельность планируют 96,4 % учащихся, что диктуется логикой заочного обучения, подразумевающего параллельно работу студента. Интересно, что чуть больше половины старшеклассников (58,6 %), выбравших очную форму обучения, подразумевают трудовую деятельность одновременно с образовательным процессом.

Предположим, что такие данные свидетельствуют о том, что в ситуации процессов трансформации в российском обществе выход на рынок труда выпускника учреждения профессионального образования сопровождается ситуацией негарантированной занятости, в связи с этим молодые люди, вначале будучи школьниками, а впоследствии студентами, уже стремятся приобрести опыт профессиональной деятельности, чтобы свести к минимуму возможность неудачи при будущем трудоустройстве. Среди школьников, заявивших о желании совмещать учебу и трудовую деятельность, практически равное количество юношей (67,2 %) и девушек (67,9 %).

Такое положение дел подтверждается данными социологического исследования И. Козиной, И. Поповой (2006 г.). Указанные исследователи пришли к выводу, что в современной социокультурной ситуации грани между чисто мужскими и чисто женскими ценностями труда нивелируются. В настоящее время мотивы профессионально-карьерной составляющей практически одинаковы у женщин и мужчин [4, с. 372].

Отметим, что у 36,4 % учащихся работа будет связана с получаемой профессией и лишь у 12,1 % с трудовой деятельностью по другому профилю. Немаловажен тот факт, что практически половина учащихся (50,3 %) не ответили на вопрос о профессиональном будущем. И в этом обстоятельстве, на наш взгляд, есть негативный момент.

По всей видимости, старшеклассники недостаточно четко представляют для себя дальнейшую профессиональную перспективу. По всей вероятности это связано с тем, что, либо школьник в силу своих возрастных особенностей не способен ощущать себя «субъектом выбора своего образовательного и профессионального маршрута» [5], либо в условиях социально-экономической нестабильности российского общества молодежь сталкивается с проблемой неуверенности в завтрашнем дне и опасается строить долгосрочные планы [6, с. 37].

Несмотря на условия нестабильности в сфере занятости и сомнения большинства школьников при проектировании своего жизненного и профессионального пути, мы предприняли попытку выяснить перспективу дальнейших действий учащихся после окончания учреждения профессионального образования. В ходе исследования удалось обнаружить, что 55,2 % школьников собираются работать и одновременно получать образование, 32,7 % респондентов планируют посвятить себя только трудовой деятельности и 9,1 % учащихся продолжать образование, занимаясь лишь учебой.

Известно, что образование является одним из средств восходящей социальной мобильности, своего рода «социальным лифтом» [7, с. 289]. И это касается не только выбора первой профессии, но и дальнейших образовательных планов, повышающих социальную позицию индивида в социуме. В связи с этим одной из задач нашего исследования было выяснение,

каким видят свое дальнейшее образование учащиеся, намеревающиеся продолжить образовательную деятельность (66,1 %).

Ответы школьников распределились следующим образом. На первом месте стоит желание респондентов получить второе высшее образование (25,5 %). Второе место занимают ответы старшеклассников (20 %), собирающихся продолжить в высшем учебном заведении свое образование, полученное в среднеспециальном или начальном учреждении профессионального образования. Тем не менее 18,2 % школьников задумываются о повышении квалификации с помощью курсов, дополнительных занятий, 4,2 % респондентов фокусируются на учебе в аспирантуре, 1,2 % школьников в дальнейшем планируют сменить профессию, переобучиться.

Значимым моментом исследования явилось выяснение профессиональных намерений школьников работать по полученной профессии в будущем. На предложение оценить свои шансы трудоустроиться по полученной профессии основная часть респондентов (80,6 %) ответили утвердительно, полагая, что им удастся устроиться на работу по профессии. Только 4,2 % школьников расценивают свои шансы довольно пессимистично, отметив, что им не удастся трудоустроиться по профессии, а 14,5 % респондентов затруднились ответить. Можно сделать допущение, что все же большинство школьников с оптимизмом смотрят в свое профессиональное будущее, надеясь на получение работы по специальности.

В целом же ситуация на рынке труда в отношении молодежи в настоящее время парадоксальная. По данным социологического исследования 2004 г. «численность безработной молодежи в возрасте до 29 лет уменьшается, но, тем не менее, на сегодняшний день остается самой высокой среди других возрастных категорий безработных граждан» [8, с. 6]. Для нас было важно узнать, представляет ли школьник, как в будущем, овладев профессией, он может попасть в перспективу оказаться без работы на рынке труда, и какой способ в таком случае он предпочтет для выхода из ситуации безработицы.

На вопрос «Как вы считаете, может ли вас в будущем коснуться проблема потери работы?» 43 % учащихся ответили, что есть такая вероятность, 30,3 % посчитали, что это маловероятно, а для 4,8 % школьников вероятность оказаться без работы весьма реальной. Одновременно с этим пятая часть респондентов (20,6 %) вообще затруднилась с ответом. Несомненно, что прослеживается и неоднозначное отношение школьников к феномену «безработицы».

По данным серии интервью, проводившихся нами в течение 2006 – 2007 гг. (N = 16), на вопрос «Знаете ли вы кто такие безработные?» встретились следующие ответы: «люди, которые не хотят работать, которым интереснее сидеть дома без работы» (жен., 16 лет); «определенный такой момент в жизни человека, когда он, либо он, допустим, он выучился на одну специальность, он уже подметил место куда-то, хотел поступить на работу и тут, раз — и его не взяли на работу — вот, не получилось, либо он просто не успел. И вот в этот момент он оказывается безработным, потому что он не попал туда, куда хотел. Вот — он безработный, нет у него работы» (муж., 15 лет); «да это лодыри» (жен., 16 лет); «ну вон те, которые на помойке» (муж., 17 лет); «люди без работы» (жен., 16 лет); «у кого профессия не котируется» (жен., 17 лет). Как видим, встречаются и вполне адекватные представления о феномене безработицы, и недостаточные знания об этом явлении.

В российском обществе на протяжении последнего десятилетия наблюдается ситуация, когда выпускники учреждений профессионального образования зачастую не имеют возможности получить рабочее место в силу различных факторов: недостатка опыта трудовой деятельности, низкой социальной компетентности, недостаточных профессиональных знаний, отсутствия необходимой квалификации [9, с. 105]. Оценить перспективу поиска работы по профессии в ситуации безработицы смогли 57 % старшеклассников, при этом 24,2 % из этих же школьников полагают, что легко смогут подобрать работу по профессии.

В свою очередь, 30,3 % учащихся посчитали, что работу по профессии им найти все же удастся, но с большим трудом, и самая немногочисленная часть респондентов (1,2 %) отметила, что это практически невозможно. Среди школьников, посчитавших, что им легко будет подобрать работу по профессии в ситуации безработицы, 51,3 % положительно оценивают перспективу трудоустроиться на работу по полученной профессии, в то время как чуть больше половины учащихся предполагают, что им придется находить работу с большими усилиями (60 %), не удастся трудоустроиться по профессии.

В целях исследования существенно было выяснить отношение учащихся к проблеме поиска работы и трудоустройства. Так, на вопрос «Если вам будет трудно найти работу по профессии, что вы предпочтете?» половина респондентов (50,3 %) собирается искать любую работу с удовлетворяющим уровнем заработной платы. В свою очередь, 34,5 % старшеклассников планируют подобрать работу только по своей профессии, как и 27,3 % школьников в будущем рассчитывают открыть свое/новое дело. 18,2 % учащихся предпримут попытку пройти переобучение по новой профессии, 14,5 % респондентов согласятся на менее квалифицированную работу, и незначительная часть старшеклассников (0,6 %) будут жить на обеспечение близких, родственников.

В итоге нельзя не заметить тот факт, что практически половина респондентов ориентирована на активное поведение на рынке труда, включающее поиск работы по любой профессии, желание заниматься предпринимательской деятельностью, намерение реализовать свои профессиональные амбиции.

Мы попытались выяснить взгляды школьников на проблему поиска работы при помощи полярных вопросов — что способствует успешному ее нахождению и что, напротив, мешает. Ответы старшеклассников по поводу факторов, оказывающих влияние на помощь в поисках рабочего места, распределились следующим образом. На первом месте оказались профессиональные качества претендента (66,7 %), второе место школьники отдали личным качествам ищущего работу (55,8 %), таким как манеры, внешность, характер. Роль личных связей и знакомств в поиске рабочего места отметили 53,9 % респондентов, значительность профессиональной подготовки, полученной в учебном заведении, упомянули 29,1 % школьников, 20,6 % респондентов отметили необходимость целенаправленной деятельности учреждения профессионального образования по трудоустройству выпускников.

Кроме всего прочего, к факторам, оказывающим влияние на поиск работы, старшеклассники отнесли объявления о приеме на работу, размещенные на улицах, в СМИ, в сети Интернет — 13,3 %, запросы работодателей — 11,5, профессиональную переподготовку и дополнительное образование — 7,3 %, а также

деятельность службы занятости населения — 4,2 %.

С одной стороны, школьники придают большое значение кандидатуре соискателя, обладающего необходимыми профессиональными навыками и личностными особенностями. Вместе с тем роль личных связей при поиске работы занимает далеко не последнее место в представлениях учащихся. Та же самая тенденция прослеживается в исследовании Н. А. Свиридова 2002 г., по мнению которого «родственные и дружеские, неформальные связи выступают довольно эффективным фактором в приспособлении молодежи к условиям жизнедеятельности» [10, с. 91]. В то же время вызывает беспокойство тот факт, что школьники не принимают во внимание патерналистскую деятельность службы занятости в помощи поиска работы. Это свидетельствует о низкой степени результативности взаимодействия института образования и политики занятости, проводимой в отношении профессиональной ориентации учащихся школ.

К числу факторов, снижающих шансы человека при поиске работы, школьники отнесли: отсутствие трудового опыта — 72,7 %, уровень образования — 55,5 %, возраст — 54,5 %, отсутствие дополнительных навыков (например, иностранный язык, компьютер) — 29,1 %, неудовлетворительную коммуникабельность — 20 %, национальность — 18,2 %, профессию — 16,4 %, отсутствие связей — 12,7 %, внешние данные — 11,5 %, пол — 6,1 % и семейные обстоятельства — 4,8 %. Можно предположить, что школьники имеют достаточно хорошее представление о ситуации на современном рынке труда. Среди факторов, затрудняющих возможность нахождения рабочего места для респондентов, наиболее значимы недостаток опыта работы, недостаток образования, возрастная дискриминация.

Таким образом, можно предположить, что социально-профессиональная адаптация школьной молодежи к рынку труда начинается еще до момента получения профессионального образования, складываясь из профессиональных намерений школьников и планов их будущего трудоустройства. В подтверждение этого нами обнаружены определенные тенденции: большинство школьников, принявших участие в исследовании, нацелены на получение высшего образования, а впоследствии второго высшего и дополнительного образования. Практически половина респондентов планирует начало трудовой деятельности уже во время обучения в учреждении профессионального образования. При этом треть опрошенных старшеклассников планируют трудоустроиться по специальности, таким способом повышая свою социально-профессиональную компетентность на рынке труда уже в процессе получения профессионального образования.

Ценность трудовой деятельности, без сомнения, равнозначна для юношей и девушек. В то же время дальнейшая профессиональная перспектива, в силу временной отдаленности, не совсем прозрачна для учащихся. Но, несмотря на это, школьники достаточно оптимистично оценивают свои шансы трудоустроиться по профессии после окончания учреждения профессионального образования, хотя имеют неопределенное представление о ситуации безработицы. Вместе с тем школьники ориентированы на индивидуальное поведение на рынке труда, подразумевающее деятельную позицию в ситуации поиска работы.

Практическая значимость выполненного исследования состоит в том, что его результаты могут способствовать пересмотру мер социальной политики в сфере профессионального образования и занятости

молодежи. Эмпирические данные могут стать основой для разработки программ и пособий для всех структур, занимающихся профессиональной ориентацией, профессиональным образованием и трудоустройством молодежи, а также могут быть использованы в учебных курсах по теоретической и прикладной социологии, социологии труда, социологии образования, социальной политике, социологии молодежи.

Результаты исследования могут иметь практическое применение в общеобразовательных школах на занятиях по профессиональной ориентации. Выводы, полученные нами в ходе эмпирического исследования, могут оказаться полезными специалистам учреждений профессионального образования, служб занятости населения, работодателям, всем тем, кто интересуется социально-профессиональной адаптацией молодежи к рынку труда.

Библиографический список

1. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года / Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.01.2002 г., № 1756-р; Приказ Минобрнауки России от 23.07.2002 г., № 2866.
2. Иванова И.Н. Потребление образовательных услуг. / И.Н.Иванова - Саратов: ПМУЦ, 2004. - 244 с.
3. Шевченко Д.А. Социальная самоидентификация лучших выпускников / Д.А.Шевченко // Социологические исследования. - 2004. - № 1. - С.134-137.

4. Козина И., Попова И. «Слабые группы» на рынке труда: гендерная специфика мотивации поведения / И. Козина, И. Попова // Журнал исследований социальной политики. - 2007. - Т. 5. - № 3. - С.365-386.

5. Родичев Н.Ф. Восемь мифов о профессиональном самоопределении подростка / Н.Ф. Родичев // Всероссийский Интернет-педагогический форум - 2007 // <http://pedsovet.org/forum/topic1861.html> (обращение к ресурсу 28.08.2007).

6. Фокина О. Профессиональные предпочтения и жизненные цели старшеклассников / О.Фокина // Человеческие ресурсы. - 2006. - № 2. - С.35-37.

7. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество / П. Сорокин. - М.: Политиздат, 1992. - 543 с.

8. Проблемы рынка образовательных услуг и спрос на выпускников учреждений профессионального образования / П.В.Романов, А.Ю.Слепухин, В.А.Карпец; М.Э.Елютина, В.Н.Ярская; Саратов: СГТУ, 2004. - 135 с.

9. Социология молодежи в контексте социальной работы: учебное пособие / В.Н.Ярская, А.Ю.Слепухин. - Саратов: СГТУ, 2004. - 300 с.

10. Свиридов Н.А. Адаптационные процессы в среде молодежи (дальневосточная ситуация) / Н.А.Свиридов // Социологические исследования. - 2002. - № 1. - С. 90-95.

ДЕМЬЯНОВСКАЯ Ольга Сергеевна, аспирант кафедры социальной антропологии и социальной работы.

Статья поступила в редакцию 23.10.07 г.

© О. С. Демьяновская

УДК 314.7

В. В. БУБЛИКОВ

Белгородский
государственный университет

ОЦЕНКА МИГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА СТРАН СНГ ДЛЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (ИНДЕКС МИГРАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА)

В исследовании на основе признанных миграционных теорий и актуальных статистических данных разработан и рассчитан индекс миграционного потенциала (ИМП) стран СНГ для РФ. С помощью этого индекса появилась возможность объективной оценки вероятных изменений в направлениях и объемах миграции населения из государств СНГ в Россию. Предложенный ИМП является универсальным показателем и может использоваться для расчетов миграционного потенциала различных стран и территорий.

Введение

Опыт европейских стран свидетельствует о том, что наибольшие потоки иммигрантов направляются из бывших колоний в их бывшие метрополии. Согласно теории мировых систем [1], именно бывшие колонии благодаря тесным культурным, лингвистическим, экономическим, транспортным и информационным связям являются главными донорами рабочей силы бывших колониальных держав. Так, например, самые крупные общины во Франции составляют выходцы

из северной Африки; в Великобритании — иммигранты из Индии, Пакистана, Африки и Карибского бассейна; в Испании — из стран Латинской Америки и т.д. На первый взгляд, исключением является Германия, которая в прошлом не имела крупных колониальных владений. Тем не менее и там самая большая диаспора — турецкая — результат тесного и длительного сотрудничества двух стран на протяжении последнего столетия [2].

После распада колониальной системы в 60-х годах основной поток переселенцев в бывшие метрополии

Таблица 1
Численность и доля иммигрантов, прибывших в 2001–2006 гг. в РФ
из стран СНГ (за исключением Туркмении) [4]

№	Страна	Число прибывших, тыс. человек	Доля иммигрантов от общего числа, прибывших по 10 странам, %
1	Казахстан	281	31,0
2	Украина	178	19,5
3	Узбекистан	154	16,9
4	Киргизия	72	7,9
5	Молдавия	42	4,5
6	Армения	41	4,4
7	Грузия	40	4,4
8	Белоруссия	37	4,0
9	Таджикистан	33	3,5
10	Азербайджан	32	3,5
	Всего	908	100,0

состоял практически полностью из этнических «колонизаторов» (французов, англичан, португальцев, голландцев и т.д.), которые составляли в бывших владениях административную и экономическую элиту. Так, например, только во Францию из Юго-Восточной Азии в 1950-е гг. вернулось примерно 200 тыс. этнических французов и ещё около 1 млн человек из Алжира после обретения им независимости [3]. Однако поток таких переселенцев на историческую родину иссяк уже в первое десятилетие после распада колониальной системы. Среди последующих иммигрантов в Европу из стран Азии и Африки доминировали «коренные» жители этих государств. Большинство из которых тем не менее сохранило языковую близость с бывшей метрополией.

После распада СССР схожая ситуация сложилась и в России: 96 % иммигрантов, прибывших в РФ за последние пять лет, составили жители бывшего СССР [4]. До настоящего времени основу этого потока составляли русские и русскоязычные граждане новых независимых государств, которые в силу объективных экономических и гуманитарных причин вынуждены были вернуться на историческую родину — в Россию. С течением времени подобная «этническая» мотивация эмиграции становится всё менее распространённой. Обобщая, можно сказать, что все, кто желали вернуться в Россию, либо уже это сделали, либо у них есть возможность вернуться в ближайшие годы по Программе возвращения соотечественников (расчитана до 2012 г.) [5]. Так же, как и в западноевропейских странах во второй половине XX века, процесс иммиграции в Россию постепенно трансформируется из вынужденного возвращения этнических русских в иммиграцию «коренного» населения из стран СНГ.

Таким образом, целью данного исследования является оценка возможных масштабов миграции в РФ из стран СНГ после завершения массового возвращения этнических русских в Россию.

Современные масштабы и направления иммиграции в РФ из стран СНГ

После небольшого спада объёма иммиграции в 2003–2004 гг. в РФ наблюдается неуклонный рост числа переселенцев. В течение 2001–2006 гг. 92 % всех легальных иммигрантов прибыло в Россию из

стран СНГ (без Туркмении) [4]. В табл. 1 показана численность и доля иммигрантов из этих стран.

Среди стран, откуда в последние годы наиболее активно прибывали иммигранты, выделяются Казахстан (почти 1/3 от всего потока), Украина и Узбекистан. Однако, на наш взгляд, уже в самое ближайшее время география иммиграции в РФ существенно изменится.

Чтобы оценить количественно, в каких направлениях будут изменяться миграционные потоки в РФ, нами разработан индекс миграционного потенциала (ИМП) для стран СНГ (из-за отсутствия необходимых данных Туркмения не учитывается в исследовании). ИМП рассчитывается на основе трёх наиболее значимых факторов, влияющих на объём иммиграции: численности населения страны и уровня её экономического развития, распространённости русского языка, масштаба диаспоры в России.

Экономические причины

Экономические причины, безусловно, являются важнейшим фактором, влияющим на большинство миграционных процессов. Лишь в некоторых случаях решение об эмиграции принимается под воздействием нематериальных факторов (например, этнического или расового притеснения, военных действий). В настоящее время на территории СНГ случаи миграции под воздействием насильственных факторов встречаются достаточно редко. Следовательно, и иммиграция в Россию из стран СНГ носит, прежде всего, экономический характер, обусловленный более высоким уровнем социально-экономического развития РФ.

Из всех стран бывшего СССР Россия по величине душевого ВВП уступает лишь трём государствам: Эстонии, Латвии и Литве. Поэтому не существует экономических предпосылок для иммиграции из этих стран в Россию, тем более после их вступления в ЕС. Однако наличие крупных русских диаспор в этих странах делает их перспективным направлением в свете привлечения русских репатриантов из этих государств в Россию. Но подобная иммиграция обусловлена причинами не экономического, а гуманитарного характера. Поэтому в данном исследовании прибалтийские государства рассматриваться не будут.

Таблица 2

**Численность населения и ВВП на душу населения
по паритету покупательной способности (ППС) стран СНГ (без Туркмении) в 2006 г. [6]**

Страна	Население, тыс. человек	Душевой ВВП по ППС, доллары США	Отставание от РФ по уровню ВВП, раза	ИМП (экономический)
Россия	142 368	11 969	—	—
Азербайджан	8 474	6 885	1,7	14,7
Армения	3 007	5 795	2,1	6,2
Белоруссия	9 716	9 031	1,3	12,9
Грузия	4 436	3 821	3,1	13,9
Казахстан	15 308	8 849	1,4	20,7
Киргизия	5 200	2 023	5,9	30,8
Молдавия	3 833	2 487	4,8	18,4
Таджикистан	6 640	1 453	8,2	54,7
Узбекистан	26 540	2 246	5,3	141,4
Украина	46 571	7 639	1,6	73,0

Для оценки различий в экономическом развитии РФ и стран СНГ следует обратиться к табл. 2. Самой бедной страной СНГ является Таджикистан (отставание от РФ более чем в 8 раз), немногим больше ВВП Киргизии и Узбекистана. В то же время самые благополучные страны — Белоруссия и Казахстан.

ИМП (экономический) представляет собой соотношение численности населения страны и её экономического развития относительно РФ. Рассчитывается он следующим образом. Например, численность населения Казахстана в 2006 г. составила 15,3 млн человек. В том же году отставание Казахстана от уровня экономического развития РФ (размер ВВП на душу населения) составило 1,4 раза. Умножив численность населения на уровень отставания в экономическом развитии (15,3(1,4), получаем величину 20,7 (приведенные в расчётах данные округлены, поэтому при умножении округлённых чисел сумма не всегда совпадает с той, которая даётся в таблице). Т.е. этот результат соответствует гипотетической численности населения Казахстана, необходимой для производства ВВП этой страны на уровне экономического развития РФ. Следовательно, чем больше (по числу жителей) и беднее страна, тем ИМП (экономический) будет выше и тем больше жителей этой страны будет склонно принять решение об эмиграции.

Необходимо отметить, что для расчёта ИМП среди показателей социально-экономического развития, кроме душевого ВВП, можно было бы использовать и другие данные, например, уровень безработицы и среднюю заработную плату в стране. Однако, ввиду отсутствия сопоставимых статистических данных по всем странам СНГ, сделать это в настоящее время не представляется возможным.

Влияние распространения русского языка на ИМП стран СНГ

Кроме экономической привлекательности страны для иммигрантов, важнейшее влияние на масштабы миграции оказывает фактор знания языка страны, в которую направляется иммигрант. Ведь любая материальная целесообразность иммиграции может быть сведена к нулю, если иммигрант в недостаточной степени владеет языком страны, в которую он прибывает. Следовательно, при расчёте ИМП для стран СНГ необходимо учитывать и знание русского языка

населением этих стран.

Последними точными и единовременными сведениями о распространении русского языка в республиках СССР являются данные переписи населения 1989 г. Однако прошедшие с момента её проведения время и события не позволяют использовать эти данные. Поэтому для расчёта ИМП мы обратились к оценочным цифрам численности владеющих русским языком в странах СНГ, представленным в исследовании МИД РФ.

Для учёта влияния фактора распространения русского языка на ИМП необходимо ввести соответствующий коэффициент. Исходя из предположения, что осуществить эмиграцию в Россию может лишь житель СНГ, знающий хотя бы в минимальном объёме русский язык, нами исключена из ИМП (экономического) доля, соответствующая доле населения, не владеющего русским языком. Т.е., например, в Казахстане 18 % населения не знают русского языка, соответственно, и ИМП этой страны необходимо уменьшить на 18 % ($20,7 - 3,8 = 16,9$).

Коэффициент диаспоры для ИМП

При принятии решения об эмиграции кроме экономической целесообразности и знания языка большое значение имеет наличие или отсутствие диаспоры в стране въезда иммигранта. Согласно теории социальных сетей [1], диаспора через родственно-дружеские либо земляческие связи существенно сокращает иммигранту издержки, возникающие в процессе его переезда и адаптации. Таким образом, оценивая возможные изменения в направлениях миграционных потоков, необходимо учитывать и фактор размера той или иной диаспоры.

Поскольку достоверные количественные оценки числа иммигрантов (а тем более их национальная принадлежность) из стран СНГ в РФ отсутствуют, при расчёте ИМП в этом исследовании использованы данные о национальном составе, полученные при проведении Всероссийской переписи населения 2002 года (табл. 4).

Благодаря широким культурным и историческим связям между Россией и странами СНГ, значение диаспор для миграционных потоков ещё не приняло того масштаба, который они имеют в западных странах (например, в США, где благодаря большим

Распространённость русского языка в странах СНГ (без Туркмении), 2004 г. [7]

Таблица 3

Страна	Общая численность населения, млн человек	Численность владеющих русским языком, млн человек	Численность не владеющих русским языком, млн человек	Доля населения, не владеющая русским языком, %	Коэффициент распространения русского языка для ИМП
Азербайджан	8,2	5,5	2,7	33	-4,85
Армения	3,2	2,2	1,0	31	-1,94
Белоруссия	10,2	10,0	0,2	2	-0,25
Грузия	4,5	2,7	1,8	40	-5,35
Казахстан	15,1	12,3	2,8	18	-3,84
Киргизия	5,0	3,5	1,5	30	-9,23
Молдавия	3,4	2,9	0,5	15	≈2,71
Таджикистан	6,3	3,0	3,3	52	-28,65
Узбекистан	25,0	15,0	10,0	40	-56,57
Украина	48,0	40,0	8,0	17	-12,16

Таблица 4

Численность «этнических» народов стран СНГ, проживающих в РФ, 2002 г. [4]

Национальность	Численность, тыс. человек	Доля от общей численности 10 народов, %	Коэффициент диаспоры для ИМП
Азербайджанцы	622	9,14	0,91
Армяне	1 130	16,62	1,66
Белорусы	808	11,88	1,19
Грузины	198	2,91	0,29
Казахи	654	9,61	0,96
Киргизы	32	0,47	0,05
Молдаване	172	2,53	0,25
Таджики	120	1,77	0,18
Узбеки	123	1,81	0,18
Украинцы	2 943	43,26	4,33
Всего	6 892	100,00	10,00

диаспорам иммигрантам зачастую нет необходимости владеть английским языком и интегрироваться в американское общество). Поэтому в этом исследовании предложено ввести коэффициент диаспоры для ИМП, равный в суммарном размере 10 единицам. Т.е. численность каждой из десяти диаспор (национальностей), представленных в таблице 4, пересчитана в долю от их общего количества, и затем, для вычисления коэффициента диаспоры, полученное число разделено на 10. Например, в 2002 г. в РФ проживало 654 тыс. казахов, что составило 9,6 % от общего числа десяти народов, рассматриваемых в исследовании. Разделив 9,6 на 10, получаем 0,96. Соответственно, коэффициент диаспоры для Казахстана приближённо равен 1.

Суммарный ИМП для стран СНГ

Итоговые результаты суммарного ИМП (на основе трёх факторов) представлены в табл. 5.

Анализируя и сопоставляя итоговые данные ИМП и реальную картину направлений миграционных потоков (представленную в таблице 1), можно сделать следующие выводы:

1. Исходя из ИМП, в ближайшие годы следует ожидать существенного увеличения доли иммигран-

тов, прибывающих в РФ из Узбекистана и Таджикистана. Немного возрастёт доля иммигрантов из Украины, Киргизии, Молдавии, Белоруссии и Азербайджана.

2. Поскольку самое существенное увеличение иммиграции произойдет из Узбекистана и Таджикистана (стран с наименьшими в СНГ долями русских и русскоязычных), то и в РФ доля соответствующих этнических групп — узбеков и таджиков, будет расти наибольшими темпами.

3. Наибольшее сокращение иммиграции в Россию должно произойти в миграционном обмене с Казахстаном (с 31 % до 7 % всех иммигрантов, прибывающих из стран СНГ), значительно сократится также доля иммигрантов из Армении и Грузии.

В исследовании миграционного потенциала стран СНГ для РФ использовались данные актуальной статистики. С течением времени и изменением соответствующих коэффициентов ИМП (численности населения, уровня экономического развития, распространения русского языка и изменением в соотношении диаспор в России) будет меняться и сам ИМП. Намеченные на 2009 – 2011 гг. переписи населения в большинстве стран постсоветского пространства (включая и Россию — 2010 г.), дадут новые данные о распространении русского языка и изменении в числен-

№	Страна	ИМП (экономический)	Коэффициент распространения русского языка	Коэффициент диаспоры	ИМП	Доля ИМП, %
1	Узбекистан	141,4	-56,6	0,2	85,0	31,4
2	Украина	73,0	-12,2	4,3	65,1	24,0
3	Таджикистан	54,7	-28,7	0,2	26,2	9,7
4	Киргизия	30,8	-9,2	0,0	21,6	8,0
5	Казахстан	20,7	-3,8	1,0	17,8	6,6
6	Молдавия	18,4	-2,7	0,3	16,0	5,9
7	Белоруссия	12,9	-0,3	1,2	13,8	5,1
8	Азербайджан	14,7	-4,9	0,9	10,8	4,0
9	Грузия	13,9	-5,6	0,3	8,6	3,2
10	Армения	6,2	-1,9	1,7	5,9	2,2
	Всего	386,7	-125,8	10,8	271,8	100,0

ности диаспор. Соответственно, и коэффициенты ИМП, пересчитанные на основе новых данных, существенно изменятся.

Однако некоторые изменения этого индекса в будущем можно спрогнозировать уже сейчас. В связи с тем, что единственными странами СНГ, где продолжается устойчивый рост населения, являются Узбекистан, Таджикистан и Киргизия (в Узбекистане численность населения возрастёт с 26,6 млн. человек в 2005 г. до 34,0 млн в 2025 г.; в Таджикистане соответственно с 6,6 млн. человек до 8,9 млн; в Киргизии — с 5,2 млн до 6,2 млн человек [8]), то и миграционный потенциал этих стран будет возрастать.

Бурное развитие государств с большими запасами углеводородного сырья (Азербайджана, Казахстана и Туркмении) повышает благосостояние и занятость населения этих стран. Следовательно, ИМП этих стран для РФ будет ослабевать. Более того, уже в ближайшем будущем, благодаря более высоким темпам экономического роста, эти страны могут превзойти РФ по уровню экономического развития (например, рост ВВП Азербайджана в 2006 г. составил 34,5 %, Казахстана — 10,6 %, в то время как экономика России выросла в том же году на 6,7 % [9]). В таком случае, экономическая целесообразность в эмиграции в Россию у населения этих стран исчезнет.

Устойчивый и более глубокий, нежели в России, демографический кризис в Украине (численность населения которой сократится с 46,9 млн человек в 2005 г. до 39,9 млн в 2025 г. [8]), а также устойчивые темпы экономического развития, по всей видимости, будут сокращать миграционную привлекательность России для жителей этой страны. Кроме того, миграционные установки украинцев во многом ориентированы на страны Европейского Союза (в той же мере это относится и к жителям Белоруссии и Молдавии — странам, расположенным в географической близости от ЕС).

Заключение

Главным итогом проведённого исследования по анализу миграционного потенциала стран СНГ стало подтверждение тезиса о том, что в ближайшее время география иммиграции в РФ претерпит существенные (если не сказать кардинальные) изменения. На наш взгляд, Россия имеет все предпосылки для того, чтобы повторить миграционную историю Западной

Европы в смысле трансформации иммиграционного потока в страну. Такая трансформация означает сокращение доли русского и русскоязычного населения, прибывающего в РФ, в пользу «титовых» народов стран СНГ. Базовым элементом среди иммигрантов в ближайшие годы станут «коренные» жители наиболее бедных стран СНГ с быстрорастущим населением — Узбекистана, Таджикистана и Киргизии.

В заключение необходимо также отметить, что предложенный автором ИМП — универсальный показатель, применимый для расчёта потенциальной иммиграции не только в Россию, но и в другие страны. При расчёте ИМП для других стран и регионов мира (а также, возможно, и регионов внутри одного государства) необходимо лишь корректировать алгоритм расчётов в соответствии с конкретными объектами исследования. В некоторых случаях возможно и добавление новых коэффициентов (к уже предложенному коэффициенту распространения языка страны-реципиента и коэффициенту диаспоры) для ИМП.

Библиографический список

1. Юдина Т.Н. Социология миграции: учебное пособие для вузов. — М.: Академический проект, 2006. — 272 с.
2. Сапего Г. Иммигранты в Западной Европе // Мировая экономика и международные отношения. — 2006. — №9. — С. 50 — 58.
3. Юдина Т.Н. Миграция: словарь основных терминов. — М.: Академический проект, 2007. — 472 с.
4. Данные Росстата: <http://www.gks.ru>.
5. Указ Президента Российской Федерации от 22 июня 2006 года, Москва, №637 О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом // Российская газета. — 2006. — № 137. — С. 19 — 20.
6. Данные Всемирного банка: <http://www.worldbank.org>.
7. Русский язык в мире: современное состояние и тенденции распространения. Вып. 3. — М.: Центр социального прогнозирования, 2005.
8. Данные ООН: <http://www.un.org/esa/population>.
9. Данные ЦРУ: <http://www.cia.gov>.

БУБЛИКОВ Василий Валерьевич, аспирант кафедры отечественной истории и политологии.

Статья поступила в редакцию 21.12.07 г.

© В. В. Бубликов